

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник научных трудов
по материалам международной
научно-практической конференции**

25 декабря 2015 г.

www.scipro.ru
Нижний Новгород 2015

УДК 8
ББК 80/83

Я 411

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Язык и культура: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 25 декабря 2015 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2015. 55 с.

ISBN: 5-00-005374-5

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемные вопросы по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Язык и культура» (25 декабря 2015 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайтах <http://www.scipro.ru> и <http://www.libex.ru/>.

УДК 8
ББК 80/83

ISBN: 5-00-005374-5

Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2015

Коллектив авторов, 2015

Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ История зарубежных литератур

- Лебедева И.В., Саракаева Э.А.**
«ИСПЫТАНИЕ У КАТАФАЛКА»: СУДЕБНЫЕ ПРАКТИКИ В «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»... 4

СЕКЦИЯ Лексикология и фразеология

- Александрова И.Г.**
КОНЦЕПТ «УЧЕБА» В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ..... 12

СЕКЦИЯ Общие вопросы языкознания

- Шонайбаева А.Т.**
ОБ ИССЛЕДОВАНИИ И ВЫЯВЛЕНИИ ОСНОВНЫХ ЧЕРТ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИЯХ 15

СЕКЦИЯ Проблемы переводоведения

- Сиреканян В.В.**
АРТИКЛИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ 19

СЕКЦИЯ Русская и зарубежная литература

- Бломквист Ю.С.**
ЖАНРОВО-СЮЖЕТНЫЕ ДОМИНАНТЫ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОЗДНЕГО Р. КИПЛИНГА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «МАДОННА В ОКОПАХ»)..... 22
- Даренская Н.А.**
О ПОЭТИКЕ РАССКАЗА В. НАБОКОВА «СОВЕРШЕНСТВО» 25
- Гайнутдинова Г.Ф.**
МИФОПОЭТИКА ПРОЗЫ О. БОКЕЕВА 29

СЕКЦИЯ Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы

- Коновалова И.Е.**
СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЖЕНЩИН ИЗ НАРОДА В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА 34

СЕКЦИЯ Язык и ментальность

- Владимирова С.В.**
УПОТРЕБЛЕНИЕ ХАНТЫЙСКИХ ТОПОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕСТАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА..... 38
- Елкина Е.В.**
ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКИХ РЕКЛАМНЫХ РОЛИКОВ..... 42
- Жампейсова Жанар М., Жампейсова Жанна М.**
МИФОЛОГИЯЛЫҚ ТАНЫМ НЕГІЗІНДЕ АЯЛЫҚ БІЛІМНІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ..... 44
- Рохвадзе Р.Ф.**
КАТЕГОРИЯ ФАСТ..... 48
- Сотникова С.С.**
ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ «ОДИН» В АНГЛИЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЛИРИКЕ 52

УДК 821.112.2

**«ИСПЫТАНИЕ У КАТАФАЛКА»:
СУДЕБНЫЕ ПРАКТИКИ В «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»**

Лебедева И.В., Саракаева Э.А.

Хайнаньский университет, Хайкоу, Китай

Каспийский институт морского и речного транспорта, Астрахань, Россия

2689655292@qq.com, irenalbedeva@mail.ru

TRIAL BY THE BIER: LEGAL PROCEDURES IN “THE NIBELUNGENLIED”

Lebedeva I.V., Sarakaeva E.A.

Hainan University, Haikou, China

Caspian College of Sea and RiverTransport, Astrakhan, Russia

Аннотация.

В статье рассматривается ряд средневековых судебных практик Западной Европы, применявшихся, если в деле против обвиняемого в совершении тяжких преступлений не было предъявлено достаточно улик. Средневековые законы предписывали в таких случаях оправдание через ордалию - Божий суд. Один из видов ордалии – испытание у катафалка – занимает важное место в сюжете германского героического эпоса «Песнь о Нибелунгах». Авторы статьи подробно анализируют средневековые юридические нормы, и в первую очередь оправдание через ордалию и испытание у катафалка, рассматривают, какую роль они играют в сюжете, какую функцию исполняют, как отражают политическую и правовую организацию средневекового социума.

Ключевые слова: «Песнь о нибелунгах», средневековые судебные практики, ордалия, «испытание у катафалка», Хаген, Зигфрид, Кримхильда, Гунтер

Abstract.

The article discusses medieval jurisprudence of Western Europe, and in particular the measures applied if a case against a person accused of serious crimes lacked enough evidence. Medieval laws ordered in such cases that the accused be subjected to an Ordeal. One of the types of Ordeal – trial by the bier – plays an important part in the plot of the German heroic epic "The Nibelungenlied". The authors of this article analyze medieval legal norms, primarily justification through an oath and trial by bier; consider what role they play in the plot of the poem, what function they execute and how they reflect the political and legal structure of a medieval society.

Keywords: “The Nibelungenlied”, medieval trial procedures, ordeal, trial by the bier, Hagen, Siegfried, Kriemhild, Gunther

Испокон веков до наших дней в ходе судебных разбирательств нередки случаи, когда доказательств вины обвиняемого недостаточно, когда улики косвены и не подкреплены показаниями достойных доверия свидетелей. Если согласно современным законодательствам, подобные случаи влекут за собой оправдания подсудимого за недостатком инкриминирующих улик, средневековые европейские суды прибегали к ордалии (лат. *ordalium*) – Божьему суду, в ходе которого обвиняемый должен был совершить некоторые действия, противоречащие законам физического мира. Если ему/ей это удавалось, сам факт чуда должен был свидетельствовать о присутствии Божьей воли, которая оправдывала невиновного наглядной демонстрацией чуда.

Вмешательство божественной воли в разрешение юридических вопросов – эта идея и связанные с ней практики ведут начало с древнейших времен, они известны самым разным племенам и народам Древнего мира на разных уровнях цивилизационного развития [19]. В Европе юридическое оформление эта практика впервые получает в Салической Правде франков (*Pactus Legis Salicae*) короля Хлодвига, изданной в период 507-511 гг. [6, с.28].

Ордалия применялась только в случае очень серьезных обвинений – убийство, изнасилование, разбой, хищение в особо крупных размерах, и только в том случае если против обвиняемого имелось ряд серьезных улик, но судьи все же находили их недостаточными для вынесения обвинительного приговора [20].

Иногда такая практика приводила к курьезным случаям - оправдание явно виновных лиц или осуждение человека, чья невинность позднее стала очевидной. Кроме того, ордалия по сути противоречила одному из важнейших библейских заветов – «не искушай Господа Бога своего» (см. например Евангелие от Матфея 4:7), поскольку по желанию судьи участвующие в этом процессе священнослужители пытались принудить Бога совершить чудо. Неудивительно, что собравшийся в 1215 году при папе Иннокентии III Четвертый Латеранский Собор строжайше запретил ордалию по всей католической Европе, после чего ее использование в судебной практике прекратилось [12]. Тем не менее, ордалия активно использовалась в Европе до начала 13 века и была закреплена в ряде юридических актов. Так, ее использование, кроме уже упомянутой франкской Салической Правды, предписывали англо-саксонские Законы Адельстана [18], английский свод законов *Leges Henrici Primi* (*Curia Regis*) времен Генриха I [11, с.575] и др.

Средневековая Европа знала несколько видов ордалии, наиболее распространенными из которых были

-«Испытание горячей водой»: обвиняемому нужно было опустить руку в котел с кипящей водой и достать со дна предмет, после чего его рука перевязывалась и инспектировалась через несколько дней. Отсутствие ожогов должно было свидетельствовать о невинности;

-«Испытание холодной водой»: обвиняемого, раздев догола, опускали на веревках в водоем. Если он начинал тонуть, его вытаскивали и оправдывали. Если не тонул, его опять же вытаскивали, но вина его считалась доказанной. Такому испытанию в Средние века редко подвергали женщин, учитывая что больший объем жира в женском организме скорее всего не даст обвиняемой утонуть [11, с.581-587];

-«Испытание раскаленным железом»: обвиняемый должен был взять в руку добела раскаленный железный брус и пройти с ним несколько шагов, после чего его рука перевязывалась и инспектировалась через несколько дней. Отсутствие ожогов должно было свидетельствовать о невинности [20];

-«Испытание судебным поединком»: обвиняемый должен был выйти на бой с истцом, или выставить вместо себя поединщика, если он не мог принять участие в поединке лично (по малолетству или старости, или если это была женщина). В произведениях средневековой и современной художественной литературы этот вид ордалии был многократно описан, достаточно вспомнить «Айвенго» Вальтера Скотта, «Повесть о купце Калашникове» Лермонтова, «Лоэнгрин» Вагнера, где «испытание судебным поединком» играет роль драматического разрешения основного конфликта.

Помимо этих, самых распространенных видов ордалии, встречался ряд других, более редких. Так, исландская «Сага о Сверрире» упоминает ордалию в виде погружения в воду с горячей свечой в руке, которая должна была гореть в знак невинности обвиняемого. Рихардис, супруга франкского короля Карла Толстого, по подозрению в измене была подвергнута ордалии, в ходе которой прошла через пламя в одежде покрытой воском [7, с.912]. Но все же чаще всего в судебных практиках Европы применялись перечисленные выше испытания огнем и водой.

В настоящей статье мы рассмотрим еще один интересный вид ордалии - «испытание у катафалка», нашедший отражение в средневековой германской поэме «Песнь о нибелунгах» и играющий важную роль для развития сюжета.

«Испытание у катафалка» - это основанное на симпатической магии представление, что кровь убитого проливается при прикосновении к трупам убийцы или даже при его присутствии у смертного ложа. Вера в этот феномен встречается в разных частях света. Аборигены Австралии спрашивали у возлежащего на носилках из веток умершего, не было

ли причиной его смерти колдовство. Предполагалось, что если покойника и в самом деле сгубила черная магия, он заставит носилки повернуться в сторону колдуна, и ветки носилок могут даже хлестнуть виновного [19]. В Западной Африке верили, что покойник может заставить носилки и несущих их людей удариться о дом убийцы, свидетельствуя тем самым о преступлении [21, с.231]. В средневековой Европе «испытание у катафалка» входило в юридическую практику ряда стран. Так, зафиксирован случай, когда в Хертфорде, Англия подозреваемого в убийстве заставили подойти к телу убитой женщины, и ее палец якобы трижды указал в его сторону, истекая кровью. В Верховном Суде Шотландии аналогичное дело рассматривалось уже в новое Время - в 1668 году [17, с.487]. Погребальные традиции в крестьянской среде графства Дарем до самого недавнего времени требовали, чтобы каждый присутствующий на похоронах подходил к гробу и прикасался к телу, подтверждая чистоту своего сердца и мирные отношения с покойным [10, с.57]. В Германии «испытание у катафалка» называлось *Vahrprobe* и предписывало обвиняемому прикоснуться к ранам убитого или даже поцеловать их [15] - если раны начинали кровоточить, это должно было свидетельствовать о его вине.

В мировой литературе «испытание у катафалка» находит яркое отражение в пьесе У.Шекспира «Ричард III» (акт 1 сцена 2), в которой овдовевшая леди Анна обличает убийцу своего мужа пламенным монологом:

«Коль радует тебя вид гнусных дел –
Вот образец твоей кровавой бойни. -

О, посмотрите, джентльмены, раны
Застылые открылись, кровь течет! -
Красней, красней, обрубок безобразный;
Перед тобою льется эта кровь
Из жил холодных, где уж нету крови.
Неслыханный и дикий твой поступок
Неслыханнейший вызвал здесь потоп.
Бог, кровь ты создал, отомсти за смерть!
Земля, кровь пьешь ты, отомсти за смерть!
О небо, молнией убей убийцу!
Земля, раскройся и пожри его,
Как королевскую ты кровь пожрала,
Что выпущена дьявольской рукой» [4, с. 440-441].

В этом отрывке убийца, Ричард Глостер, не подвергается официальному испытанию – он просто подходит к гробу убитого человека, но хлынувшая из ран убитого кровь не оставляет у присутствующих сомнения в вине убийцы. Для Ричарда, впрочем, этот эпизод последствий не имеет – власть в его руках, его некому призвать к ответу, так что леди Анне остается лишь взывать к природным стихиям и высшим силам – в мире смертных некому покарать убийцу.

В пьесе Фридриха Геббеля «Смерть Зигфрида» (второй части его знаменитой трилогии «Нибелунги», написанной по мотивам средневекового эпоса) «испытание огнем» приобретает более официальную форму – это уже формальный суд, которому король Гунтер вынужден подвергнуть своего вассала Хагена по настояниям вдовы убитого¹. В явлении восьмом Кримхильда в ответ на уверения короля, что ее супруга Зигфрида убили в лесу разбойники, требует, чтобы все присутствующие на той роковой охоте явились в собор и были подвергнуты Божьему суду – «испытанию у катафалка»:

«**Кримхильда:** В собор! В собор! (*Гунтеру*) Так это были разбойники?
Тогда ты со всей родней предстань перед мертвым на испытанье!

¹ Поскольку перевод пьесы Геббеля, выполненный Н.А. Холодковским и С.А. Адриановым [1], иначе чем чудовищным назвать невозможно – не говоря уже о корявости языка и стиля он пестрит ошибками, прямо искажающими смысл текста – мы вынуждены привести здесь не художественный, а подстрочный перевод интересующего нас отрывка

Гунтер: Пусть будет так.

Кримхильда: Я сказала – со всеми! Но здесь не все собрались.
Зовите и того, кого здесь нет!

(Подходит к гробу и становится у изголовья.)

Пусть подойдет ответчик и встанет здесь, где я сейчас стою!

Капеллан тоже подходит к гробу и становится в ногах.

Троекратный звук труб [9, с. 84]».

Как видим из этого краткого обмена репликами, Кримхильда навязывает Гунтеру ордалию со всем сопутствующим антуражем - торжественной обстановкой, присутствием священника и свидетелей, и требует участия всех подозреваемых – героиня Геббея, очевидно, не уверена что ее мужа убил собственно Хаген, и хочет проверить буквально всех подряд. Гунтер, поддавшись ее требованию, вынужден придать всей церемонии официальный вид. Он вызывает сначала родственников и вассалов, заставляет их собраться на дворе и ждать, затем вызывает Хагена к собору, даже не известив его предварительно о причине:

«**Хаген (Гунтеру):** Что здесь происходит?

Гунтер: Человека убили.

Хаген: А я здесь зачем?

Гунтер: Ты под подозрением.

Хаген: Мои родные очистят меня от подозрения, я сейчас обращусь к ним.

Готовы ли вы поклясться, что я не предатель и не убийца?

Все родичи, кроме Гизельхера: Готовы.

Хаген: Мой Гизельхер, ты молчишь?

Готов ли ты поклясться здесь за дядю, что он не предатель и не убийца?

Гизельхер (поднимая руку): Готов.

Хаген: Вам не нужно клясться за меня *(Входит в собор и обращается к Кримхильде)*

Ты видишь, я могу оправдаться, если захочу,

И к гробу подходить мне нет нужды — но все же я это сделаю, я буду первым.

(Медленно поднимается к гробу)» [9, с. 86].

Здесь интересно, что как только Хаген узнает о том, что против него было выдвинуто официальное обвинение, он предлагает очистить свое имя через клятву – что считалось более легким способом оправдаться [20]. Собравшиеся перед собором родственники единодушно выражают готовность свидетельствовать в его пользу. Только один человек – юный принц Гизельхер – отказывается лжесвидетельствовать, но Хаген надавливает на него, напоминая об их родственных отношениях. Гизельхер попал в моральный капкан: принц может отказаться защищать провинившегося вассала, но племянник не может выдать на смерть родного дядю. Заручившись поддержкой последнего свидетеля, Хаген понимает, что контролирует ситуацию, и это придает ему столько уверенности, что он неожиданно меняет решение – вместо оправдания через клятву он добровольно решает подвергнуться «испытанию у катафалка».

Войдя в собор, он сразу напоминает Кримхильде о своих правах – у нее, в сущности, нет улик против него, а значит, нет права подвергать его ордалии. Учитывая обстоятельства, Хаген имеет право очиститься не через ордалию, а через клятву, у него есть свидетели готовые поклясться в его невинности. Напомнив об этом истице, Хаген тут же выражает готовность все-таки пройти испытание, что должно продемонстрировать его чистую совесть и полную уверенность в собственной невинности. Однако исход испытания оказывается не таким, как Хаген, атеист до мозга костей, мог бы ожидать:

«**Хаген: (наклоняется над гробом)** Алая кровь! Я бы не поверил в это,

Но как не верить собственным глазам?

Кримхильда: И ты еще стоишь здесь? *(Бросается на него.)* Прочь отсюда, дьявол!

Быть может, ему причиняет страдания каждая капля крови,

что течет здесь в присутствии убийцы! *(К Гунтеру)* Я требую суда!

Капеллан: Вспомни о Том, Кто простил своих врагов на кресте.

Кримхильда: Суда! Суда! Если король мне в этом откажет, значит, он и сам запятнан этой кровью!

Ута: Остановись! Ты весь свой дом погубишь... [9, с. 86]»

Хаген потрясен и на время сбит с толку, дальше по тексту пьесы он не решается отрицать свою вину и пытается объяснить Кримхильде мотивы преступления и переложить ответственность на жертву [9 с. 86-88]. Предчувствуя, что из судебной тяжбы между родичами ничего хорошего не выйдет, мать Кримхильды королева Ута и капеллан призывают ее умерить гнев и отказаться от судебного преследования Хагена, но разгневанную женщину не уговорить – она хочет чтобы виновный подвергся каре. Что до Хагена, то он быстро справляется со своим замешательством и осознает, что его господин король Гунтер, будучи сам замешан в преступлении, вовсе не собирается удовлетворить отчаянные требования Кримхильды. В конце сцены Хаген спокойно уходит из собора, даже присвоив себе меч убитого на глазах у вдовы. В течение всей второй и третьей части трилогии Кримхильда будет возвращаться к этому эпизоду, напоминать окружающим, что вина Хагена доказана «испытанием у катафалка» и требовать суда над ним, на что бургундские короли будут отвечать неизменным отказом, что и предопределяет драматическое противостояние братьев и сестры в последней пьесе трилогии, «Месть Кримхильды». Не добившись правосудия, героиня вынуждена искать других способов, и в финале она подстраивает родичам ловушку и уничтожает и убийцу и неправедных судей.

Средневековая германская поэма «Песнь о нибелунгах», сюжет которой лег в основу трилогии Геббеля, описывает ситуацию сходным образом:

<p>Si buten vaste ir lougenen; Kriemhilt begunde jehen: swelher sî unschuldec, der lâße daß besehen. der sol zuo der bâre vor den liuten gân: dâ mac man die wârheit harte schiere bî verstân. Daß ist ein michel wunder: dicke eß noch geschiht, swâ man den mortmeilen bî dem tôten siht, sô bluotent im die wunden; sam ouch dâ geschach; dâ von man die schulde dâ ze Hagenen gesach. Die wunden vlußßen sêre, alsam si tâten ê. die ê dâ sêre klageten, des wart nu michel mê. dô sprach künic Gunther: ich wilß iuch wißßen lân. in sluogen schâchære: Hagene hât es niht getân. Mir sint die schâchære, sprach si, vil wol bekant. nu lâße eß Got errechen noch sîner vriunde hant. Gunther und Hagene, jâ habet irß getân. die Sîvrides degene hêten dô zuo strîte wân. Dô sprach aber Kriemhilt: nu dolt mit mir die nôt.[5, с. 101]</p>	<p>Прибавила Кримхильда в ответ на речи брата: "Нетрудно оправдаться тем, кто не виноваты: Им нужно только к трупам вплотную подойти, Чтоб подозренья от себя навеки отвести". Не раз случалось чудо на памяти людей: Едва лишь приближался к убитому злодей, Как раны начинали опять кровоточить. Так удалось и Хагена в то утро уличить. Чуть подошел он к телу, раскрылась рана вновь. Заплакал вдвое громче весь Вормс, увидев кровь, И только Гунтер молвил: "Здесь Хаген ни при чем. Разбойниками Зигфрид был убит в лесу густом". Кримхильда возразила: "Знакома с ними я. Бог даст, отмстят им, Гунтер, сполна мои друзья. Меня лишили мужа ты сам и Хаген твой". Тут гости - за оружие, и чуть не грянул бой. Но молвила вассалам вдова – «Повременим».[3, с. 476]</p>
---	---

Король Гунтер пытается утешить свою овдовевшую сестру и выражает ей соболезнование. В ответ он слышит от нее обвинение в том, что он сам - убийца ее супруга Зигфрида. Кримхильда предлагает царственному брату подвергнуться «испытанию у катафалка». Предложение высказано публично и неожиданно для Гунтера, ему ничего не остается, как согласиться. Ордалия демонстрирует вину Хагена Тронье, правой руки короля – кровь начинает течь из мертвого тела, когда Хаген подходит к гробу. Хаген изобличен

наглядно и публично, и теперь король Гунтер, только что отрицавший причастность своих людей к смерти Зигфрида, просто обязан выдать Хагена палачам.

Но Гунтер этого не делает и сделать не может. Во-первых, Хаген его главный вассал и советник, его опора, друг и родич, ему прощается то, что никогда не простилось бы другим – даже когда он прямо нарушает королевские приказы и поступает по-своему. Безусловная преданность и доверие друг другу между королем и его любимцем предопределят в дальнейшем драматический финал, когда бургундские короли откажутся выкупать свои жизни головой Хагена и погибнут со всем своим войском в развязанной Кримхильдой кровавой бойне.

Во-вторых, Гунтер и сам замешан в преступлении. Он, хотя и неохотно, уступая под напором Хагеновых аргументов, санкционирует заговор и сам принимает в нем участие. Теперь, когда вина их изобличена «испытанием у катафалка», Гунтер как верховный судья своей страны должен был бы пожертвовать Хагеном – но сделать это в такой ситуации было бы подло, а Гунтер, если и убийца, то отнюдь не подлец. И королю не остается ничего другого как повторять свою убогую ложь, настаивая, против всякой очевидности, что Зигфрида убили какие-то безымянные разбойники.

Вряд ли кто всерьез мог бы поверить, что непобедимого супермена, одолевшего в одиночку дракона, великанов, тысячные армии, обладателя неуязвимой кожи нечаянно убили какие-то проходимцы в лесу, которых никто не видел, никто не поймал и не допросил. Разумеется, эта ложь никого не может убедить, Кримхильда гневно опровергает ее, указывая на Хагена как на убийцу. Но в отличие от героини пьес Геббеля, она прямо не требует казни виновного, не требует и суда над ним. Наоборот, она сдерживает своих вассалов, готовых броситься на Хагена, прекрасно понимая, что коль скоро король недвусмысленно дал понять, что берет убийцу под свою защиту, стычка не приведет ни к чему кроме бессмысленной гибели ее людей.

В результате Кримхильда оказывается в невыносимом положении: ее любовь к мужу, обида и ненависть к убийцам требуют возмездия, но обращать это требование не к кому – тот, кто должен бы вершить правосудие, отказывается наотрез, прикрываясь плохо скроенной ложью, поскольку он сам виновен в этом преступлении. Никакой более высокой инстанции в Бургундии нет, а натравить на свою родню другую страну – своего свекра Зигмунда, короля Нидерландов, героиня пока еще не готова – ее подвигнут к этому долгие годы обиды, страданий и разочарования. Как отмечает Виндер МакКоннелл: «Кримхильда попадает в юридический тупик, потому что глава судопроизводства – ее брат Гунтер – дискредитирован тем что сам замешан в преступлении. Она лишается надежды на разрешение своего иска законным путем, никто не заступает за ее дело» [13, с.160-161] и ей ничего не останется кроме как взять правосудие в свои руки и пытаться отмстить свои обиды любыми средствами, которые окажутся под рукой.

Внимательный читатель может заметить, что об убивших Зигфрида разбойниках говорит король Гунтер, тогда как сам подозреваемый, Хаген, молчит в течение всей авантюры о похоронах Зигфрида, хотя именно ему адресованы обвинения и угрозы Кримхильды. По приказу Гунтера он молча подходит к телу и молча от него отходит когда пролитие крови изобличает его преступление. В отличие от своего тезки из пьесы Геббеля он не оправдывается и не лжет. Все оправдания и объяснения остаются на долю Гунтера, Хаген же ведет себя так, будто его происходящее не касается.

Почему же убийцы не подготовили заранее какую-нибудь более внятную версию? Мы полагаем, причина в том, что все планирование взял на себя Хаген из Тронье, а у него было свое видение событий.

Хаген подошел к делу с величайшей тщательностью – он сперва вовлек в заговор весь бургундский королевский дом с их главными вассалами, преодолел сопротивление тех из них кто выступал против, затем организовал ложное посольство с объявлением войны чтобы заставить Кримхильду волноваться о жизни мужа. Затем он обманом выведал у Кримхильды где находится его уязвимое место, отменил войну, заменил ее охотой в лесу, там подстроил,

чтобы Зигфриду не предложили напитков, вовлек его в состязание в беге, тем самым заманив в глубину леса и отведя от свидетелей, спрятал его оружие пока тот пил и наконец, пронзил его копьем в помеченное крестиком место. Весь заговор, таким образом, представлял собой поэтапную многоступенчатую схему [2], и ошибка и неудача на каждом из этапов влекла за собой полный провал и даже гибель заговорщиков. Но план сработал, и все шло идеально, пока не дошло до ордалии. Почему же Хаген не продумал, что он будет делать потом – как отвести от себя подозрения? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос прост – он и не собирался отречься от убийства, он им гордился! По замечанию Виндера МакКоннелла, нигде в поэме автор не приоткрывает так внутренний мир Хагена как в эпизоде над телом убитого Зигфрида [14, с. 196] . Когда участники охоты и даже сам король Гунтер начинают оплакивать убитого героя, Хаген недоумевает, о чем все эти слезы:

<p>Dô sprach der grimme Hagene: jane weiß ich, waß ir kleit. eß hat nu alleß ende an uns, sorge unde leit. wir vinden ir nu wênes, die getürren uns bestân; wol mich, deich sîner hêrschaft hân ze râte getân.[5, с.94]</p>	<p>Сказал жестокий Хаген: Скорбеть и впрямь не след - Ведь мы теперь свободны от всех забот и бед. Отныне не опасен нам ни один боец. Я рад, что вас от гордеца избавил наконец.[3, с. 446].</p>
---	--

Из этой короткой речи понятно, что Хаген считал Зигфрида источником вечных «забот и бед» («sorge unde leit»), носителем постоянной угрозы, он гордился тем, что избавил от него Бургундию и не считал нужным скрывать этой своей заслуги [16]. Продумывая убийство до малейших деталей, он не дает себе труда придумывать оправдания после того как с Зигфридом будет покончено. О том, как бы обелить себя, заговаривает не Хаген, а участники охоты, тогда как сам убийца подчеркивает, что не считает нужным что-либо скрывать:

<p>Dô sprâchen ir genuoge: uns ist übel geschehen. ir sult eß heln alle und sult gelîche jehen: da er jagen rite aleine, Kriemhilde man, in slüegen schâchære, dâ er vüere durch den tan. Dô sprach von Troneje Hagene: ich bring in in daß lant. mir ist vil unmære, wirt eß ir bekant, diu sô hât betrüebet den Prünhilde muot. eß ahtet mich vil ringe, swaß si nu weinen getuot.[5, с.87]</p>	<p>Повинны мы в злодействе, – промолвили вельможи. Поэтому нам надо твердить одно и то же - Что Зигфрид в одиночку охотиться любил И, заблудясь в лесу, убит разбойниками был". Сказал владетель Тронье: "Труп отвезу я сам. Пусть все Кримхильда знает – не страшно это нам. Гордячка честь Брюнхильды осмелилась задеть. С какой же стати мне ее жалеть теперь и впредь?[3, с.440].</p>
---	---

Однако если Хаген и не собирался отрешиваться от совершенного злодеяния, его господин король Гунтер не мог бы этого позволить. Тогда как Хаген использует законы и традиции чтобы достичь собственных целей, но не придает им слишком большого значения, полагаясь в первую очередь на свои способности, его повелители не чувствуют себя комфортно при явственных нарушениях социальных норм. Как показывает известный германист Эдвард Хаймес в своей монографии «Песнь о нибелунгах»: история и интерпретации» для бургундского королевского дома чрезвычайно важны внешние атрибуты власти и законности: на них зиждется власть Гунтера, и потому он склонен придавать большое значение формальностям: «Гунтер больше заинтересован в том чтобы казаться чем в том чтобы быть. Это вполне естественно, потому что его заявка на власть основана на общественном признании внешних атрибутов власти. Он верховный правитель Бургундии, поскольку он предстает таковым. Его власти ничто не угрожает до тех пор, пока внешнее и внутреннее совпадают, но она обречена как только они окажутся разделены » [8, с. 94].

Учитывая как важны формальности для бургундских королей, публичное заявление Гунтера что шурина убили разбойники вынуждает Хагена молчать- оправдываться он не

желает, но и похвалиться убийством уже не может. Хаген избегает публичного нарушения законов и скандала, однако кот уже выпущен из мешка: по замечанию Урсулы Малендорф, после «испытания у катафалка» и отказа представителей верховной власти обеспечить справедливый суд «средневековой аудитории было хорошо понятно, что весь королевский двор поставил себя вне закона и социального порядка» [15, с. 234]. Образовавшийся вакуум законности не замедлит сказаться в дальнейшем – как только легальные барьеры оказываются отброшены, в Бургундии начинает править бал беззаконие, и вот уже Хаген на глазах у протестующих королей похищает сокровище Кримхильды, мужнин свадебный подарок, в нарушение прямого приказа оставить ее в покое. Кримхильда же после этого нового оскорбления окончательно теряет всякую любовь и уважение к собственной семье, теряет надежду восстановить справедливость и обращает мысли к мести. Тут кстати подворачивается жених- могущественный король Этцель, чьими руками можно осуществить мстительные планы - и вот уже на кровавом горизонте замаячила гибель Бургундии.

Таким образом, ордалия сыграла роль поворотного момента в сюжетном развитии «Песни о нибелунгах». Если до нее в Бургундии сохранялся легальный порядок или, по меньшей мере, декорум, имитирующий строгую законность, то после нее королевский двор вынужден признать сложившийся status quo и легализовать право сильного. И это делает невозможным поиск консенсуса между обидчиками и обиженной стороной, вынуждая Кримхильду искать насильственного восстановления своих погранных прав. Одновременно ордалия обнажает несовпадение целей и ценностей среди участников заговора - несовпадение, которое в ходе развития сюжета становится все заметнее и, наконец, прямо подводит героев поэмы к самоубийственным решениям.

Интересно также различие в понимании ордалии в текстах Средневековья и Нового Времени. Так, у Геббеля кровотечение у трупа становится подлинным чудом и застаёт персонажей врасплох. Но в тексте "Песни о нибелунгах" ощущение нелогичности, мистериальности происходящего отсутствует - здесь ордалия всего лишь юридический механизм, испытание, должествующее привести к предсказуемому результату. Герои не удивляются истечению крови из мертвого тела – герои, так же как автор и средневековые читатели поэмы верят в обязательность чуда, в его естественную включенность в природный порядок вещей.

Библиографический список

1. Геббель Фридрих. Нибелунги. Немецкая трагедия в трех частях. Пер. Н.А.Холодковского. -М: Академия. 1934
2. Саракеева А.А., Саракеева Э.А., Лебедева И.В. Проблема политического насилия в «Песни о нибелунгах» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, № 12 (часть 4), 2015. Сс. 155-158
3. Песнь о нибелунгах// Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. – М: Художественная литература, 1975. Сс. 357-628.
4. Шекспир Уильям. Ричард III // Полное собрание сочинений, т.1, М: Искусство, 1957
5. Das Nibelungenlied. Ed. Helmut de Boor // Deutsche Klassiker des Mittelalters, 17th ed. Wiesbaden, 1963
6. Drew Katherine Fischer The Laws of the Salian Franks. –Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991
7. Grimm Jacob. Deutsche Rechtsaltertümer. -Stuttgart: Muster-Schmidt Verlag, 1990.
8. Haymes Edward. The Nibelungenlied: History and Interpretation. –Chicago: The University of Illinois Press, 1986.
9. Hebbel Friedrich. Die Nibelungen: Ein Deutsches Trauerspiel in Drei Abteilungen. Stuttgart: Nabu Press, 2013.
10. Henderson William. Folklore of Northern Counties of England and the Borders. -London: EP Publishing Ltd., 1973.

11. Kerr Margaret, Forsyth Richard, Plyley Michael. Cold Water and Hot Iron: Trial by Ordeal in England // The Journal of Interdisciplinary History, Vol. 22, No. 4 (Spring, 1992), Pp. 573-595
12. Leeson Peter T. Ordeals // The Journal of Law and Economics Vol. 55 (August 2012), Pp. 691-714.
13. MacConnell Winder. Medieval Heroic Epic // A companion to Middle High German literature to the 14th century / edited by Fancis G. Gentry. – Leiden, Boston, Köln: Brill, 2002. Pp/ 151-214.
14. MacConnell Winder. The Nibelungenlied: a Psychological Approach // A Companion to the Nibelungenlied. –NY: Camden House, 1998. Pp 172-205
15. Mahlendorf Ursula, Tobin Frank J. Legality and Formality in The Nibelungenlied. // Monatshefte Vol. 66, No 3 (1974), Pp. 225-238.
16. Sarakaeva Elina, Lebedeva Irena. On the shores of the Danube: heterotopic space in “Das Nibelungenlied” // Europäische Fachhochschule Vol. 10 (2015). Stuttgart: ORT Publishing, Pp. 7-9.
17. Thiselton T.F. Folklore of Shakespeare. London: Dover Publications Inc., 1996
18. Thorpe Benjamin. Ancient Laws and Institutes of England: Comprising Laws Enacted Under the Anglo-Saxon Kings from Aethelbirht to Cnut.- London: Lawbook Exchange, 2004.
19. Tylor Edward Burnet. Ordeal // Encyclopaedia Britannica Vol. 16. Oxford: Oxford University Press, 1900.
20. Watson Alan. Curses, Oaths, Ordeals and Trials of Animals // University of Georgia Law Scholarly Works. Vol. 1 (1997), Pp 420-436.
21. Wilson J. Leighton. Western Africa: Its History, Condition and Prospects. NY: Harper and Brothers, 1856.

СЕКЦИЯ Лексикология и фразеология

УДК 811

КОНЦЕПТ «УЧЕБА» В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Александрова И.Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г.Казань

a.ilvira@bk.ru

CONCEPT «STUDY» IN RUSSIAN AND FRENCH PHRASEOLOGICAL UNTILS

Aleksandrova I.G.

Kazan Federal University, Kazan

Аннотация.

В данной статье рассматривается репрезентация концепта «учеба» в фразеологизмах русского и французского языков. В обоих рассматриваемых языках данный концепт понимается как процесс получения знаний, навыков и умений. Было выявлено, что представления об учении в обоих языках одинаковое, но в русском языке имеются фразеологизмы с негативной оценкой, тогда как во французском языке таких не выявлено в должном количестве. Также было установлено, что во французском языке имеется ряд синонимичных фразеологизмов.

Ключевые слова: концепт, фразеология, идиома, процесс обучения

Abstract.

In this article is considered the representation of a concept «study» in phraseological untils in Russian and French. In both considered languages the concept study is understood as process of knowledge, skills and abilities acquisition. It was revealed, that the general ideas of training and knowledge process coincide, but in Russian there are phraseological untils with a negative

assessment, in French they aren't present. Also it was established that in French there is a number of synonymous of phraseological units.

Keywords: concept, phraseological units, idiom, process of studying.

Национальное сознание находит свое отражение в большей степени в устойчивых словосочетаниях, то есть фразеологических единицах, так как непосредственно через них передается особенности культуры и народа. Такие фразеологизмы формируются на основе культурной ассоциации, метафоры, образа, символа или же стереотипа.

О.С. Ахманова рассматривает фразеологию как «раздел языкознания, изучающий лексико-семантическую сочетаемость слов языка.» [1, с.365]

Можно выделить несколько свойств фразеологизмов:

- Фразеологизмы имеют образно – переносный смысл;
- их часто называют устойчивыми словосочетаниями, так как фразеологизмы не допускают замену или перестановку слов;
- они неделимы, общий смысл складывается из определенного неизменного сочетания слов, являются лексической единицей;
- многие фразеологизмы могут быть заменены одним словом;
- как правило, фразеологизмы не имеют автора, так как происходят чаще всего из народного фольклора.

Очевидно, что подобные образные выражения представляют собой особую трудность для перевода. Ведь для носителей того или иного языка бывает непонятно определенное сочетание слов и смысл данного словосочетания, так как фразеологизм обладает национально – культурным своеобразием.

Основной проблемой, с которой сталкивается переводчик, является недопустимость дословного перевода, при котором происходит утрата образности выражения. Таким образом, метод калькирования зачастую требует описательного перевода, в отличие от методов трансформации переосмысления и модуляции. Чтобы найти наиболее подходящее соответствие, необходимо изучить лингвокультурный и лингвострановедческий аспекты.

Фразеологизмы могут быть, как и отдельные слова, заимствованными. Однако в русском языке самыми многочисленными являются исконно русские фразеологизмы. К заимствованным фразеологизмам можно отнести фразеологические кальки и устойчивые сочетания, которые вошли в язык без перевода.

Фразеологической калькой является оборот, возникший в русском языке посредством пословного перевода, например: *делать хорошую мину при плохой игре* – фр. *bonne mine au mauvais jeu*; *лучше поздно, чем никогда* – фр. *mieux vaut tard que jamais*.

Одним из основных элементов фразеологии является концепт, который передает особенности сознания представителя той или иной культуры. Таким образом, могут возникать фразеологизмы, понятные только носителю языка, независимо от совпадения концепта в обоих языках. Концепт «учеба» - универсальный концепт, который на данный момент является достаточно актуальным, так как обучение и развитие человека происходит в течение всей его жизни.

Е.А. Тулусина в своей работе «Лексико – семантическое поле вербализации концепта «учеба» в немецком и русском языках» выделяет 3 поля концепта «учеба»: учебное учреждение, процесс обучения и процесс познания. Данные направления можно рассмотреть на примере фразеологических единиц, в состав которых входят лексемы, принадлежащие к каждому микрополю.

В лексико – семантическое поле «учебное учреждение» можно отнести следующие французские фразеологизмы: *user ses fonds de culotte sur les bancs de l'école* – протирать штаны на школьной скамье; *faire l'école buissonnière* – прогуливать школу. В русском языке идиома «школа жизни» имеет немного иной смысл, не связанный непосредственно со зданием школы.

Во второе микрополе «процесс обучения» во французском языке входят такие фразеологизмы, как: *sécher un cours* – прогулять урок; *у perdre son latin* – запутаться в чем-либо. В данное микрополе входят фразеологизмы, имеющие в своем составе лексемы, относящиеся к микрополю «процесс обучения». В русских фразеологизмах представлены следующие лексемы, входящие во второе микрополе: *от учителя наука; чтенье – лучшее умение; учи показом, а не рассказом; грамоте учиться, всегда пригодится.*

Самое обширное микрополе «процесс познания» включает в себя фразеологизмы, в составе которых имеются лексемы, обозначающие непосредственно процесс развития и познания, которые выражены во французском языке преимущественно глаголами: *avoir une mémoire de lièvre* – куриная память; *poser une colle* – задать вопрос на засыпку; *progresser à pas de géant* – продвигаться семимильными шагами; *découvrir le pot aux roses* – раскрыть тайну; *avoir la mémoire comme une passoire* – память как решето; *savoir sur le bout du doigt* – знать что-либо как свои пять пальцев; *connaître comme sa poche* – знать как облупленного; *ne savoir pas ni a ni b* – быть безграмотным, невеждой; *examiner sous/sur toutes couleurs* – исследовать тщательным образом; *connaître la musique* – быть в курсе дела; *avoir un trou de mémoire* – память/голова как решето. Что же касается русских фразеологизмов, лексемы данного микрополя, в основном, выражены словами «ум», «знание», «наука» и «ученье» в значении познания чего-либо нового, а также прилагательными: *перо пишет, а ум водит; ученье – свет, а неученье – тьма; знание – сила; ум за разум заходит; надо знать обо всем по-немногу, но все о немногом; не учишь до старости, а учишь до смерти; неграмотный – что слепой; наука учит только умного; долго думал, да хорошо сказал; знание лучше богатства; умному везде дорога; наука – верней золотой поруки; за ученого трех неученых дают, золото добывается из земли, а знания – из книги.*

Таким образом, можно отметить, что в обоих рассматриваемых языках лексико-семантическое поле вербализации концепта «учеба» включает в себя различные лексемы, находящиеся на разном расстоянии от ядра поля. Тем не менее, стоит отметить, что наиболее обширно представлено микрополе «процесс познания», которое во французском языке выражается во фразеологизмах в большинстве случаев словосочетанием «*avoir un mémoire/la tête*», в русском же языке преобладают лексемы «знание» и «ученье». Первое микрополе почти не имеет фразеологизмов, имеющих лексему «учебное учреждение», тогда как микрополе «процесс обучения» включает в себя лексемы с названиями занятий. Также можно отметить, что во французском языке имеется ряд синонимичных фразеологизмов, например: *faire l'école buissonnière = sécher un cours* – прогулять урок/школу; *savoir sur le bout du doigt = connaître comme sa poche* – знать как облупленного/как свои пять пальцев; *la mémoire comme une passoire = avoir un trou de mémoire* – память как решето.

Сравнивая данные фразеологизмы также можно прийти к выводу, что в русских фразеологизмах отмечается ценность знаний, они приравниваются к богатству и золоту, во французском же языке знания никак не оцениваются.

Можно сделать вывод, что различные представители различных картин мира по-разному воспринимают концепт «учеба», а также и фразеологизмы с данным концептом.

Библиографический список

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов.- М.: Советская энциклопедия, 1966. – 473 с.
2. Бардоши В. Фразеологизмы французского языка: Словарь – практикум. – Уральское издательство, 2002. – 247 с.
3. Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический. – М.: Русский язык медиа, 2006. – 1624 с.
4. Тулусина Е.А. «Лексико – семантическое поле вербализации концепта «учёба» в немецком и русском языках» // Вестник ТГГПУ . 2009. №17-18. С.110-114.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 160с.

УДК 80

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ И ВЫЯВЛЕНИИ ОСНОВНЫХ ЧЕРТ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Шонайбаева А.Т.

Казахская головная архитектурно-строительная академия

ABOUT THE STUDY AND IDENTIFICATION OF THE MAIN FEATURES OF OFFICIAL-BUSINESS STYLE IN RUSSIAN AND KAZAKH LINGUISTICS

Shonaybayeva A.T.

Kazakh Leading Academy of Architecture and Civil Engineering

Аннотация.

В данной статье рассматриваются вопросы связанные с развитием, формированием официально-делового стиля и применение его в практической деятельности в зависимости от изменения структуры государства и общества.

Ключевые слова: официально-деловой стиль; особенности официально-делового стиля

Abstract.

Issues related to the development, the formation of official style and its application in practice, depending on the structure changes of the state and society are considered in this article.

Keywords: official-business style; peculiarities of official-business style

Функционирование языка многообразно и многолико. В современном языкознании существует мнение, что главный стилеобразующий фактор – функция языка, т.е. это осуществление своего назначения в каждой сфере общения в соответствии с задачами общения, хотя в истории лингвистической традиции стили выделялись на различных основаниях. Каждый функциональный стиль обслуживает определенную сферу общественной деятельности, своеобразие которой определяется формой общественного сознания и соответствующим ей видом социальной деятельности. С разнообразными формами его вариативности мы постоянно сталкиваемся на практике. При этом необходимо отметить, что в общественно-языковой практике место документов ещё полностью не определено, так как из истории нам известно, что одни языки донесли до нас тексты документов в большом количестве, а от других языков сохранилась лишь литература, а тексты документов почти не представлены. Например, от времени Гомера до нас дошли Илиада и Одиссея – эпические тексты, ставшие литературными произведениями. С другой стороны, до нас не дошли древнегреческие документы, поэтому древнегреческий язык дан нам в виде древних литературных памятников. Древнеегипетские тексты на папирусах содержат как литературный текст, так и многочисленные юридические тексты, отражающие те или иные соглашения между людьми, торговые сделки и тому подобное.

Изучение истории любого языка не представляется возможным без обстоятельного исследования его древних письменных памятников.

В тюркологии (в том числе и в казахском языкознании) имеются документы, свидетельствующие о существовании деловых бумаг, указов, распоряжений, начиная с древнетюркского каганата. Так, С.Г. Кляшторный писал: «Так же, как и на сакском языке Хотана, многочисленные документы на древнетюркском языке свидетельствуют о тщательном регулировании акций купли-продажи и передачи ссуд. Чаще всего они относятся к продуктам сельского хозяйства или землям, реже - к наличным деньгам» [1,278].

С.Е. Малов в работе «Памятники древнетюркской письменности» приводит пример из книги Юсуфа Баласагуна «Кутадгу билиг» «Обязанности правителя».

Так же, по мнению исследователей казахского официально-делового стиля, особого расцвета деловые бумаги получили в связи с возникновением в VI веке Тюркского каганата. В древнетюркских литературных памятниках, написанных в начале VIII века, таких как «Тоныкөк», «Күлтегін», «Могилян» имеются элементы официально-делового стиля. Исследуя их, ученый К. Умиралиев делает вывод о том, что они напоминают по стилю написания указы, письма ханов, написанные в XIV-XVI в.в., и являются первыми формуляр-образцами этих указов: «VIII ғасырдың басында жазылған «Тоныкөк», «Күлтегін», «Могилян» сияқты ескерткіштер жазба әдеби нұсқалар. Олар – хан жарлықтары мен шежіренің алғашқы үлгі-нұсқалары» [2,37-45]. Таким образом, можно проследить появление, распространение и построение деловой письменности. И раскрывая пути её развития, видно, что появляется необходимость закрепления деловых отношений. Потребность передавать из поколения в поколение важные для людей имущественные, административные и юридические отношения, рождала необходимость в том, чтобы деловые тексты понимались адекватно в течение неограниченно долгого времени. Поэтому при записи деловых текстов из устной речи отбирались такие слова и формы, которые понимались одинаково большинством людей и могли претендовать на то, чтобы удержаться в языке в том же значении неограниченно длительное время. Вот почему деловые тексты отличаются большей понятностью и устойчивостью языковых форм и стиля. У этого стиля появляются свои функции и употребляемая среда. В данном случае, термином – стиль, выражается относительно замкнутая в той или иной сфере деятельности система языковых средств, которая служит целям общения людей в языкознании. То есть нас интересует стиль языка, которому В.В. Виноградов дает следующее определение: «... семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности (например, стиль официально-деловой, стиль канцелярский и т.п.), той или иной социальной ситуации (например, стиль торжественный, стиль подчеркнуто вежливый и т.п.), тому или иному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества».

Среди различных систем классификации стилей языка нет ни одной, которая не включала бы стиль, обслуживающий сферу официально-деловых отношений в обществе. Однако в отношении названия или трактовки этого понятия существует различные точки зрения. Так, Л.В. Щерба рассматривает понятия «деловой стиль» как составную часть научного стиля. К разным формам делового стиля он относит научный, эпистолярный, стиль законов. А.И. Чижик-Полейко выделяет канцелярский и официально-деловой, как два самостоятельных стиля, причем к деловому стилю относится и научно-техническая речь.

Большинство авторов называют этот стиль по ведущей с их точки зрения разновидности деловой речи. Так, например, Р.А. Будагов именуется весь функциональный стиль, обслуживающий деловые отношения людей, «административным», А.В. Федоров «официально-канцелярским», А.А. Ушаков и М.Н. Кожина «законодательным», Е.Ф. Петрищева «канцелярско-деловым», Е.Б. Гумилевская «административно-юридическим». Но такие названия, как «законодательный», «административный», «административно-юридический» определяют только отдельные сферы применения этого функционального стиля. Наименования «официально-канцелярский», «канцелярско-деловой» указывают на то, что деловой процесс по документации протекает в канцеляриях. А так же термины «канцелярский стиль», «административно-ведомственный стиль» предложенные К.А. Логиновой, нельзя считать удачными, так как они указывают только на одну из разновидностей официально-деловой речи – делопроизводство. При этом эти термины сужают деловую сферу общения, поскольку акцентируют внимание на один вид делового языка. Но на сегодняшний день деловой язык перерос эти названия.

Один из исследователей официально-делового стиля П.В. Верховский писал: «На официальном языке обращаются не только органы власти, он служит не только для внутриведомственного общения ..., на нем приходится говорить, прежде всего, с массами и

для масс. Поэтому язык, который служит для широкого взаимного общения членов общественного организма в сфере деловых отношений..., мы в праве назвать деловым языком» [3,41]. По мнению целого ряда исследователей (Кожина М.Н., Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В., Розенталь Д.Э., Виноградов В.В. и т.д.) представляется целесообразным использовать термин «официально-деловой стиль». Исходя из вышеизложенного, более правильным и всеобъемлющим является именно этот термин.

Усиление интереса к официально-деловому стилю в русском языкознании особенно наметилось в 1960-70 годы. Во многих исследовательских и диссертационных работах подробно описывается формирование официально-делового стиля, лексика русского языка. Изучению официально-делового стиля современного периода посвящена монография Е.М. Иссерлина «Официально-деловой стиль», в которой дается определение этого термина. Так же выделяются его основные черты: наибольшая замкнутость по сравнению с другими стилями языка, - он менее других стилей допускает вторжение «чужих» элементов, отсутствие эмоционально-окрашенной лексики, слов разговорных, просторечных, стремление к точности изложения, что находит свое выражение в наличии устойчивых словосочетаний, канцеляризмов и штампов.

Языковому и стилистическому своеобразие деловой речи посвящена диссертационная работа К.А. Логиновой. Исследуя официально-деловой стиль на лексическом, синтаксическом, морфологическом и фонетическом уровнях, Логинова делает попытку в общих чертах представить систему функционально-стилистических норм современной деловой речи, проанализировать ее обоснованность с позиций базовых внелингвистических стилеобразующих факторов. Основными областями функционирования официально-делового стиля она называет право и политику. Официально-стилистические нормы официально-делового стиля, как указывает автор, обусловлены стилевыми его чертами (точность, конкретность, лаконичность, объективность), которые в свою очередь зависят от свойств деловой речи (абстрактность, конкретность сообщения, воздействия).

Работа К.А. Логиновой интересна, прежде всего, тем, что автор пытается проследить общие черты официально-делового стиля, характерные для документной письменности различных эпох. Такая попытка рассмотреть функционально-стилистические черты через призму истории документа важна и интересна. Так же в особенностях развития делового стиля, специфики его функционально-стилистической природы, мы согласны с К.А. Логиновой, которая пишет, что «... с одной стороны, исторически сложившиеся основные его черты явились исключительно устойчивыми. Стандартные синтаксические обороты и лексика - фразеологические шаблоны официального характера есть результат внутриязыкового отбора, создания и использования тех структурно-синонимических возможностей языка, которые наилучшим образом отвечали данной речевой функции. И именно эти черты, возникшие вследствие внутренних закономерностей языкового развития, определяли лицо стиля, отграничивали его от других стилей и сохраняли свою тематическую и жанровую прикреплённость на протяжении разных эпох» [4,23].

Несколько другого плана монография А.А. Ушакова, в которой рассматриваются вопросы законодательного языка, стилистики законодательной речи. По мнению автора, законодательная стилистика, отталкиваясь от положений стилистики языка в целом, должна в первую очередь выяснить связь между языком и правом, роль права в развитии языка и наоборот. В связи с этим А.А. Ушаков говорит о необходимости выделения языка законов в самостоятельный раздел стилистики, базирующейся на синтезе лингвистики и юриспруденции. И он рассматривает действенность официально-делового стиля в связи с предметной деятельностью, в данном случае с отправлением законов. Это значит, что А.А. Ушаков как бы ставит вопрос о том, что в различных областях человеческой деятельности должен быть как бы свой документный стиль, так как в каждой областях существует свое отношение текста документа к предметной деятельности. Такой взгляд, несомненно, справедлив в том, что касается лексики и терминологии документа. Именно терминология документа, терминологически точное описание деятельности составляет одну из сторон

действенности стиля документа. Однако одной лишь терминологией нельзя исчерпать проблему действенности документа.

По мнению многих филологов, как в русском, так и в казахском языке основными чертами официально-делового стиля являются: точность, конкретность, однозначность, объективность изложения содержания документа, исключая возможность каких бы то ни было иных толкований и неясностей при чтении и языковой стандарт, заключающийся в стремлении автора документального текста выразить свою мысль единообразным способом, путем использования для этой цели готовых формул. Поэтому, стандартизованность документа также необходима, так как стандартизация – первый шаг к автоматизированной обработке и составлению документных текстов. Так как официально-деловой стиль обслуживает в первую очередь сферу административного управления ведомств и учреждений, сферу юриспруденции, сферу дипломатических связей государств, сферу коммерции и реализуется в текстах законов, указов, приказов, инструкций, договоров, соглашений, распоряжений, актов, в деловой переписке учреждений, а также в справках юридического характера т.п. Сфера применения содержания массивов текстов данного функционального стиля относится к администрации, управлению и организации общественной жизни граждан любого государства. Отсюда вытекает следующая особенность официально-деловой речи – императивность, долженствующий характер изложения, что предполагает употребление императивных норм.

По мнению исследователя официально-делового стиля в казахском языке Л. Дуйсембековой, языковой образ каждого стиля определяется его лексикой. Кроме этого, она подчёркивает, что в официально-деловом стиле некоторые используемые понятия слов и выражений, звучат не так как мы их используем в бытовой речи, а свойственно именно этому стилю. Например: в документах пишется не человек, а – гражданин, на АТС – абонент, в парикмахерской – клиент, в ателье – заказчик, в больнице – пациент, больной, в санатории – отдыхающий, в общественном транспорте – пассажир, в библиотеке – читатель, в торговле – покупатель, в учреждениях – специалист, служащий [5,84], в сфере труда – работодатель, работник.

Указанные черты официально-делового стиля нашли свое выражение в отборе специфических языковых средств, которые образуют относительно замкнутую систему. Эти черты выступают в официально-деловом стиле в чистом виде. Их цель – недопустимость кривотолков. Таким образом, лицо официально-делового стиля определяется совокупностью исторически сложившихся его черт, находящихся свое объяснение в постоянстве определенных композиционных и языковых средств, свойственных тому или иному виду деловой письменности.

В официально-деловом стиле казахского языка наблюдается проявление той же тенденции, которая была характерна для официально-делового стиля русского языка. Такое явление, на наш взгляд, присуще любому переходному периоду.

Однако, вопросы стилистики в казахском языкознании, и в частности – официально-делового стиля, до сих пор не изучались системно и достаточно основательно. Так как ранее все документы составлялись на русском языке, то официально-деловой язык в основном был представлен научными трудами русских учёных-филологов.

При этом необходимо отметить, что с момента обретения независимости Республикой Казахстан и присвоения казахскому языку статуса – государственного, ему, и в частности официально-деловым бумагам на казахском языке, стало больше уделяться внимания со стороны государства и общества. В сфере науки и со стороны учёных также наблюдается активизация исследования официально-делового языка. Некоторые аспекты этой важной проблемы стилистики, в том числе официально-делового стиля, освещены работами многих исследователей, таких как: А. Кайдаров, Т. Кордабаев, М. Балакаев, Р. Сыздыкова, К. Умиралиев, Ә. Ибатов, Б. Абилкасымов, Ф. Мусабекова, Н. Уалиев, Б. Шалабай, С. Кудасов, Н. Ергазиева, Ш. Мажитаева, А. Алдашева, З. Ахметжанова, К. Кадашева, Э. Сулейменова, Л. Дуйсембекова, С. Ережепова, Б. Абилмажинова, Ж. Макешова, Б. Аширова.

Социально-лингвистические проблемы функционирования казахского языка в Республике Казахстан, отмечает в своей работе Б. Хасанов, подчёркивая что: «Годы языковой реформы, охватывающие период с 1987 г. по настоящее время, представляют для казахского языка новый этап в его функционировании, который отличается главным образом его новой функцией - функцией государственного языка Республики Казахстан, ростом национального самосознания его носителей как родного языка, заметным приостановлением процесса отчуждения от него».

Библиографический список

1. Кляшторный С.Г. Зарубежная тюркология. Выпуск I. Древние тюркские языки и литературы. – Москва: Наука, 1986. – 331.
2. Әмірәлиев Қ. VIII-XII ғасырлардағы көне түркі әдеби ескерткіштері. – Алматы: Мектеп, 1976.
3. Верховский П.В. Письменная деловая речь. Словарь, синтаксис и стиль. Разбор бюрократических шаблонов и нарушений грамматики в языке документов. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536.
4. Логинова К.А. Деловая речь и ее изменение в советскую эпоху: АДК – М., 1975. – 24.
5. Дүйсембековой Л. Қазақ ресми-іс қағаздары. – Алматы: Ана тілі, 2005. – 208.

СЕКЦИЯ Проблемы переводоведения

УДК 81.2

АРИКЛИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Сиреканян В.В.

Южно-Уральский государственный университет
vachagan@sirekanyan@com

ARTICLE: OVERCOMING DIFFICULTIES ARISING ON THE TRANSLATION

Sirekanyan V.V.

South Ural State University

Аннотация.

В статье рассматривается проблема определения места артикля в системе частей речи, всевозможные способы выражения определенности-неопределенности в разных языках, в частности, в русском, сопоставление с германским, восточноармянским и с другими языками, выявление номинативного аспекта данной языковой системы с целью максимального преодоления трудностей, возникающих при переводе. Отмечается, что артикль является важным языковым средством для выражения эмоциональности разной степени в английском, немецком, восточноармянском и в некоторых других языках.

Ключевые слова: нулевой артикль, полиартиклевые языки, детерминация, актуализация, субстантивация, экспрессивный

Abstract.

In this paper the problem of determining the article's place in the parts of speech system, all kinds of ways to express definiteness - indefiniteness in different languages, in particular Russian, comparison with the Romano-Germanic, Eastern Armenian and other languages, identification nominative aspect of given language system in order to maximize overcome difficulties arising during translation shall be regarded. It is noted that the article is an important linguistic means to express different degrees of emotion in English, German, Eastern Armenian, and some other languages.

Keywords: zero-article(die Nullform), semi-article languages, determination, actualization,

substantivisation, expressive

Артикль (от лат. *articulus* -соединительный элемент) - условное название показателя детерминации (определенности), является одной из наиболее сложных и своеобразных грамматических категорий существительного. Само существование термина артикль можно рассматривать как признание особого статуса категории определенности. Процедура детерминацией (в близком значении в современной лингвистике используется также термин актуализация) позволяет человеку адекватно описывать окружающий его мир с помощью слов. С помощью сопоставительного анализа понятия значения артикля в разных языках попробуем прийти к наилучшему, приближенному к оригиналу варианту перевода артикля с любого языка на русский язык и наоборот.[7]

Артикль свойствен типологически различным языкам – германским (английский, немецкий, французский), славянским (болгарский, македонский), венгерскому, семитским, полинезийским и др. Количество артиклей по языкам колеблется; наиболее распространенной является система из двух артиклей, но встречаются языки с одним морфологически выраженным артиклем, например, турецкий, где представлен неопределенный артикль *bir*, а его отсутствие эквивалентно определенному артиклю и может формально трактоваться как нулевой артикль, а также полиартиклевые языки с тремя и более артиклями, например, в румынском языке кроме неопределенного и определенного артикля имеется так называемый адъективный артикль.

Лингвистические школы, а конкретно ведущие лингвисты наделяли артикль функциями, которые имели различные названия, но одинаковые значения. Значение определенности-неопределенности присуще всем языкам. Но некоторые языки в пути своего развития потеряли грамматическую категорию полностью, но при этом значение в языке сохранили.

Употребление артиклей всецело зависит от говорящего, от смысла, который он вкладывает в высказывание, от его отношения к предмету окружающей его действительности. В то же время артикль полностью определяет номинативный аспект данной языковой системы, но при этом не выражает род, число и падеж.

В артиклевых языках наиболее распространена троичная система - определенный артикль - неопределенный артикль - нулевой артикль. Но в некоторых языках на современном этапе развития утеряно употребление устаревшей частицы, выполняющей роль артикля, поэтому такие языки полностью лишены этой категории.

Исходя из общего мнения, в русском языке артиклей нет вовсе, а значит, и упомянутая категория отсутствует. Однако определенные артикли в русском языке все-таки имеются, да еще в различных видах, просто они с развитием языка изменились почти до неузнаваемости.

Как и во многих других языках, определенный артикль развился из указательных местоимений (например, в английском: *this/that* → *the*). В древнерусском существовали так называемые указательные местоимения ТЪ, ТО, ТА соответственно мужского, среднего и женского родов.

В современном русском языке определенные артикли остались в разговорной речи – это частицы -то, -та после существительных. Деревенские жители до сих пор склоняют такие частицы/артикли и изменяют их по числам.

Постепенно значение определенности, выраженной артиклем, для полной формы исчезло. Краткие прилагательные стали употребляться только в качестве сказуемого, а полные – в качестве определения (ср. «человек добр» и «добрый человек»). Сейчас краткие прилагательные в качестве определения практически не употребляются, разве что только в застывших архаических оборотах («красна девица», «на босу ногу» и т.п.).

А в армянском языке существительное, характеризуемое прилагательным в превосходной степени, употребляется всегда с определенным артиклем (в любой синтаксической функции), и при его опущении артикль переходит на прилагательное в

превосходной степени. Скажем, если прилагательное в превосходной степени употребляется как именная часть сказуемого, при нем ставится определенный артикль.

Некоторые прилагательные в функции именной части сказуемого принимают дополнительный артикль без всякой субстантивации, но другие – не принимают, что и доказывает следующий пример: Ср. Մտ մեծ մեղան է: ‘Это большой стол’ (“стол” без артикля). It is a big table (в английском) Das ist ein großer Tisch (в немецком) Но: Այս մեղանը մեծ է / մեծ չէ: ‘Этот стол большой/небольшой’ (“стол” с определенным артиклем). This table is big/small (англ.) Dieser Tisch ist groß/klein (немецк.) [2,5,6]

В то же время прилагательные լավ, վատ, ‘хороший, плохой’ «ведут себя» по-другому. Ср. Մտ լավ երգ է: ‘Это хорошая песня’, It is a good song (англ.). Es ist ein Song (немецк.) Մտ վատ գիրք է: ‘Это плохая книга’. Слова “песня”, “книга” употреблены без артикля. Однако в предложениях Այս երգը լավն է / լավը չէ: ‘Эта песня хорошая/нехорошая’, Այս գիրքը վատն է / վատը չէ: ‘Эта книга плохая/неплохая’, и подлежащие–существительные (песня, книга), и прилагательные употреблены с определенными артиклями. Соответственно в английском и немецком языках артикли не употребляются This song is good/bad This book is good/bad, а при названии предмета с определением, It is a good/bad song, Es ist ein guter Song, то оно ставится перед прилагательным, а в армянском языке – в виде суффикса “ը” и “ն” ставится в конце прилагательного. [1,3]

На следующем примере прилагательное в роли именной части сказуемого употребляется с артиклем: Կարինն ահմարինն է: ‘Каринэ самая добрая’ (с артиклем “ն” в конце слова добрая). Но и существительное, благодаря характеризующему его прилагательному в превосходной степени, употребляется с артиклем “ն”: Կարինն ահմարինն աղջիկն է: ‘Каринэ - самая добрая девочка’ (с артиклем “ն” в конце слова девочка). Опустив прилагательное или заменив форму превосходной степени формой положительной или сравнительной степени, мы должны будем убрать и артикль: Կարինն (արին, ալելի արին) աղջիկ է: ‘Каринэ - (добрая, более добрая) девочка’. Если оставим артикль без прилагательного в превосходной степени, изменится смысл: Կարիննն աղջիկն է: ‘Каринэ - (его, ее, та) дочь (девочка)’ [3].

Правильное употребление армянского артикля может вызвать у носителей русского языка большие трудности (даже если они изучали до армянского один из европейских языков), но факт, что артикль выполняет функции актуализации и детерминизации имени, определяя исключительность, единственность объекта в описываемой ситуации, либо отражая его принадлежность к классу подобных предметов или явлений, говорит о том, что эти понятия в каком то мере помогут разобраться в значениях артиклей при переводе.

В современном английском языке, как известно, категория артикля состоит из трех категориальных членов: двух положительных артиклей и нулевого артикля, который представляет собой значащее отсутствие артикля.

Но в отличие от древнегерманского, где эмоциональная функция была присуща только определенному артиклю, в современном английском языке все три артикля выполняют функцию эмоционального выделения, но каждый делает это по-разному, в соответствии со своей семантикой и общим смыслом. В современном немецком языке существование нулевого артикля (т.е. значащего отсутствия данного функционального слова) представляется сомнительным, хотя некоторые исследователи считают, что по аналогии с английским языком, в немецком языке мы можем также говорить о существовании нулевого артикля.

Артикль может быть эффективным средством эмоционального выделения в текстах, которые основываются на языке обыденного повседневного характера, опираясь на экспрессивные возможности языка, и они еще служат для повышения выразительности текста, облегчения запоминания и восприятия данного высказывания в разных ситуациях.

Считая, что в русском языке артикль - категория отмирающая, целесообразно будет искать и найти пути решения проблем при переводе, обсудив тонкости значения, употребления и отличия с переводимыми языками. Думаю, что в будущих работах найдем решение минимизировать расхождения смыслового понятия между языками во время процесса перевода на русский язык из артиклевых языков и наоборот.

Библиографический список

1. Джаукян Г.Б. Основы теории современного армянского языка. Ереван: 1974(на армянском языке). Учебник армянского языка. Ч.1. М.: 1998. Ч.2. М.: 2001. Ч.3 и 4. М.: 2004.
2. Левковская К.А., Пророкова В.М., Сергиенко Л.В. Артикль в немецком языке. М.: Просвещение, 1973. 224 с.
3. Леонтьев А.А., Маркосян А.С. Описание языков стран СНГ. Методические рекомендации. М.: Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина, 2002. 70 с.
4. Фридман М.Д. Специфика артикля в свете типологического анализа. Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. М., 1969.
5. Hodler W. Grundzüge einer germanischen Artikellehre. Heidelberg: Winter, 1954. s. 112.
6. Jespersen O.A. Modern English Grammar on Historical Principles. L.: George Allen&Unwin, 1949. Part. 7. p. 403-579.
7. Википедия <https://ru.wikipedia.org/wiki/Артикль>.

СЕКЦИЯ Русская и зарубежная литература

УДК 82;82-1/-9

ЖАНРОВО-СЮЖЕТНЫЕ ДОМИНАНТЫ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОЗДНЕГО Р. КИПЛИНГА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «МАДОННА В ОКОПАХ»)

Бломквист Ю.С.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Tr_yulia@mail.ru

GENRE AND PLOT DOMINANT IDEAS AS THE ACTUALIZATION MEANS OF LATE R. KIPLING'S ARTISTIC TRANSFORMATIONS (ON THE BASIS OF THE STORY «A MADONNA OF THE TRENCHES»)

Blomkwist Y.S.

Crimean Federal University by V.I. Vernadsky

Аннотация.

В данной статье рассматривается специфика художественной трансформации позднего Р. Киплинга в рамках масонской прозы. В работе представлен анализ рассказа «Мадонна в окопах», на примере которого прослеживаются особенности концептуальной картины мира писателя в послевоенный период. Автор статьи прослеживает историю создания рассказа путем анализа жанрово-сюжетных доминант с учетом автобиографических элементов творчества Р. Киплинга.

Ключевые слова: Р. Киплинг, Первая Мировая Война, жанр, сюжет, художественные трансформации, масонская проза

Abstract.

The present article deals with specificity of artistic transformations of late R. Kipling in the framework of masonic prose. The analysis of the story “A Madonna of the Trenches” is presented. This short story reflects the peculiarities of the sphere of concepts of the writer’s post-war creative

activity. The author of the article investigates the history of the story origin by analyzing the genre and plot dominant ideas regarding the autobiographical elements of the R. Kipling's work.

Key words: R. Kipling, The First World War, genre, plot, artistic transformations, masonic prose

Одной из самых значимых и в то же время противоречивых фигур в истории литературы Британии можно назвать личность выдающегося писателя и поэта Р. Киплинга. Творчество писателя получило неоднозначную оценку и до сих пор остается объектом дискуссий как в западном, так и в отечественном литературоведении. Известно, что начиная с 1927 году создается Киплингское общество (Kipling Society), которое ежегодно выпускает журналы «The Kipling Journal» и на сегодняшний день насчитывает больше тысячи участников и членов.

Поднимаемые критиками и литературоведами вопросы касаются преимущественно специфики философского сознания Р. Киплинга, а также способов актуализации художественных трансформаций его работ послевоенного периода. В контексте современных литературоведческих тенденций, мы считаем актуальным проанализировать жанрово-сюжетные доминанты позднего творчества писателя с учетом особенностей его концептуальной картины мира.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей жанро-сюжетной поэтики позднего Р. Киплинга. Данная цель обуславливает решение следующих **задач**: анализ жанровой и сюжетной доминант позднего Р. Киплинга методом концептуального анализа, выявление специфики художественного сознания писателя.

В середине XX в. проблема жанра приобрела острый характер в связи с тем фактом, что ряд представителей модернистской эстетики в литературе пытаются отрицать не только закономерность развития жанровых форм, но и жанровую определенность. В качестве базового определения жанра, нами принимается дефиниция, представленная в Литературном энциклопедическом словаре под общей редакцией В.М. Кожевниковым и П.А. Николаева: «исторически складывающийся тип литературного произведения» [1, с. 106]. Так, содержание данного понятия непрерывно усложняется и изменяется, с чем связана недостаточная степень разработанности теории жанра, чем и объясняется **актуальность** данного исследования. Под сюжетом мы понимаем: «развитие действия, ход событий в повествовательных и драматических произведениях» [1, с. 431].

Многим сюжетам поздних рассказов Р. Киплинга свойственна модернистская двуплановость. В качестве показательного, нами выбран рассказ «Мадонна в окопах» («A Madonna of the Trenches», 1924), написанный уже после окончания Первой мировой войны. В нем автор затрагивает тему трагической судьбы людей, ставших жертвами мировых потрясений в начале XX в. Речь идет о масонской ложе, которая была ранее описана в рассказах «Джейнисты» и «В интересах братства», вошедших в сборник «Масонская проза» [2]. В сложившихся условиях культурного и политического кризиса в послевоенные годы, Р. Киплинг попытался изобразить новую действительность и нового героя в условиях этого времени.

Идея написания рассказа «Мадонна в окопах» совпадает с временными рамками создания автобиографической книги «Ирландские гвардейцы во время Великой Войны» (1923) – трагическая история гибели полка, в состав которого входил сын Киплинга Джон.

Один из современных биографов писателя А. Ливергант в своей книге «Киплинг» приводит эпизоды писем, адресованных своему сыну: «Дорогой старик, надеюсь, ты никогда не окажешься ближе к бошам, чем оказался я <...>. Сидеть в окопах ничуть не опаснее, чем ехать на машине десять-двенадцать миль по дороге, которую боши в любую минуту могут обстрелять. Или ходить по городу, который в любой момент может подвергнуться артобстрелу. Словом, жизнь — лучше некуда, скучать, прямо скажем, не приходится...» [3]. Таким образом, несмотря на кажущийся легкомысленный тон повествования Киплинг-старший осознает реальность войны, пытаясь поднять моральный дух своему сыну.

Спустя несколько месяцев Киплиги получили из министерства обороны в «Бейтменз» телеграмму о том, что их сын пропал без вести. Отчаявшись, он пишет письмо своему школьному другу Данстервиллу, в котором сообщает ему, что скорее всего Джон погиб, попав под артиллерийский огонь, при этом он высказывает свое восхищение тому, что вырастил такого замечательного сына, которым гордились и его сослуживцы на фронте [3]. Известно, что с 1914 по 1917 гг. Киплинг вместе со своей женой Кэрри активно работал в «Красном Кресте», став впоследствии членом Комиссии по военным захоронениям. Именно Киплингом была выбрана библейская фраза «их имена будут жить вечно» («Their Names Liveth For Evermore») для обелисков памяти павших на войне солдат. Несмотря на настойчивость писателя отыскать могилу сына, все попытки оказались тщетны. Этот трагический факт лег в основу сюжетной линии рассказа «Мадонна в окопах», который писатель закончил уже в 1924 г.

В рассказе повествуется о поражающих своей жестокостью событиях Первой мировой войны, на фоне которых развернулась небольшая сцена, героями которой стали сержант Годсо, молодой солдат Клэм Стрэнгвик и его тетя Белла. Мы полагаем, что выбор имени Годсо не случаен, поскольку входящая в него основа «Год» (God) с английского языка переводится как «Господь». Следует также обратить особое внимание на выбранный писателем эпиграф к данному рассказу. Это одно из стихотворений А.Ч. Суинберна «Погибель» (Les Noyades) [4], в котором главный герой ведет отчаянный монолог, обращенный к Господу и ушедшей из жизни любимой женщине.

Мы полагаем, что сюжет рассказа «Мадонна в окопах» весьма двусмыслен и неоднозначен, поскольку очевидно, что Клэм страдал от военного невроза и о достоверности его слов остается судить самому читателю. Молодой человек описывает обстоятельства смерти сержанта Годсо, которого связывали сильные чувства с его тетей Беллой. По словам Клэма, мужчина, увидев призрак своей любимой женщины, последовал за ней в катакомбу, чем обрек себя на губительную смерть.

Любопытным является тот факт, что в рассказе 9 раз упоминается дата 21 января 1918 г. В этот день в англиканской церкви традиционно отмечается день памяти св. Агнессы, которая была похоронена в римских катакомбах, которые сейчас носят ее имя. Согласно легенде, глубоко верующую христианку по имени Агнесса хотели насильно выдать замуж за молодого язычника, сына префекта Семпрония, живших в III-IV в. Но девушка отвергла его предложение, так как решила принять на себя обет безбрачия и посвятить себя добродетельной христианской жизни. Поскольку в этот период христиане подвергались гонениям по указам императора Диоклетиана, девушку решили отправить в публичный дом нагой, а после казнить. Однако, согласно житию, Агнессе явился ангел и защитил ее от угрожающего ей бесчестия и позора. Когда сын префекта попытался к ней прикоснуться – упал замертво, но по просьбе его отца Агнесса воскресила молодого человека, после чего тот принял веру во Христа. В конце концов, Агнессу приговорили к смерти усекновением мечом. Когда гонения на христиан прекратились, к могиле святой мученицы Агнессы устремилось множество больных с молитвой об исцелении [5, с. 259-260].

Таким образом, аллюзия на данное предание о жертвенной любви девушки к Богу считается нами неслучайным, поскольку, вероятно, Киплинг провел параллели между образом святой и явившейся в рассказе душой родственницы Клэма. Так, оба влюбленных обрели друг друга, но уже в более тонком, неземном мире, как и святая Агнесса навечно обрела Христа в своем сердце. Подобные повторы свойственны позднему Р. Киплингу, что является одной из характерных черт его идиостиля. Данная трактовка сюжета имеет место быть, хотя и может быть оспорена. Следовательно, мотив рассказа «Мадонна в окопах» является весьма противоречивым и неоднозначным в понимании центральных символов и образов.

Мы полагаем, что галерея действующих лиц рассказа отличается разноплановостью социально-психологических типов, а также сложностью художественного построения образов. В образах персонажей нами прослеживается тенденция к индивидуализации, что

реализуется при помощи таких средств, как символ, метафора, ретроспекция, психологизм и трагизм существования личности и др.

Следовательно, сюжет рассказа «Мадонна в окопах» весьма сложен и противоречив как в сюжетном, так и в жанровом смысле. Есть основания полагать, что уже в послевоенное время поэтика жанра и сюжета Р. Киплинга претерпели ряд существенных трансформаций под влиянием текущих модернистских веяний в литературе и искусстве в целом. Более того, знаменовавший начало новой литературной эпохи рубеж веков не остается бесследным для формирования центральных концептов художественного творчества Р.Киплинга. Так, реализованные в более ранних работах тематические комплексы приобретают иное идейно-эмоциональное содержание в контекстах более поздних работ писателя.

Динамика преобразований культурно-исторического пространства отражает специфику художественного восприятия: Киплинг отходит от традиционных норм повествования, предпочитая ему субъективное начало и определенную структуру сюжетной линии. Специфика жанрово-сюжетной поэтики заключается в применении им следующих литературоведческих приемов: модернистская непрозрачность сюжета, компактность изложенных идей, двуплановость повествования, фрагментация, психологизм, аллюзия на персонажи христианской мифологии, эссеистический и иносказательный тип повествования.

В результате проведенного исследования, мы пришли к выводу о том, что концептуальную картину мира Р. Киплинга определяют философские универсалии. Они вводятся в различные контексты, вследствие расстановки новых дискуссионных акцентов получают индивидуально-авторское звучание, определяют художественные стратегии писателя. Наиболее постоянна у Киплинга актуализация тем любви, дружбы, самопожертвования, страдания, таинственности и фатализма.

Выбранный нами вектор решения проблемы актуализации художественных трансформаций позднего Р. Киплинга соответствует задачам современного литературоведения, так как предоставляет возможность выявить новые грани творческого метода писателя в рамках жанрово-сюжетной поэтики послевоенного периода его творческой деятельности.

Библиографический список

1. Литературный энциклопедический словарь / под общ. Ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. 752 с.
2. Lisa Lewis and George Kieffer. A Madonna of the Trenches. Notes. 2003. URL: http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_madonna1.htm (дата обращения 18.12.2015).
3. Ливергант А. Киплинг. 2011. URL: http://royallib.com/book/livergant_aleksandr/kipling.html (дата обращения 10.12.2015).
4. Kipling R. A Madonna of the Trenches. URL: <http://www.telelib.com/authors/K/KiplingRudyard/prose/DebtsandCredits/madonnatrenches.html> (дата обращения: 15.11.2015).
5. Макаров А.И., Сусленков В.Е.. Агния, мц. Римская // Православная энциклопедия. Том I. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. 752 с.

УДК 82.09

О ПОЭТИКЕ РАССКАЗА В. НАБОКОВА «СОВЕРШЕНСТВО»

Даренская Н.А.

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул
darn.formidable@mail.ru

ABOUT POETICS OF THE STORY OF V. NABOKOV "PERFECTION"

Darenskaya N.A.

Altai state agricultural university, Barnaul

Аннотация.

В статье предпринят опыт интерпретационного анализа рассказа В. Набокова "Совершенство" (1932) из сборника "Соглядатай" (Париж, 1938). Исследование продиктовано необходимостью пристального внимания к малой прозе писателя (особенно рассказам начала 30-х гг.), часто рассматриваемым лишь как этап становления зрелого Набокова-романиста. В статье исследуются биографический, библейский подтексты, а также связь рассказа с другими произведениями Набокова. Автор анализирует, как заданный с самого начала мотив математического узора (урок математики) на поэтическом уровне разворачивается в метафизическую плоскость. Также в ходе интерпретации показано, как в рассказе репрезентированы значимые для поэтики Набокова мотивы – судьбы, памяти, детства, зрения, соглядатайства. В результате исследования автор приходит к выводу, что малый эпический жанр в общем контексте творчества писателя недооценен. В рассказе «Совершенство» аккумулируются темы и мотивы практически всех набокловских произведений ("Защита Лужина"; "Лик"; "Камера Обскура"; "Пнин"; "Другие берега"; "Просвечивающие предметы" и др.). Данный рассказ может рассматриваться как ключ к набокловскому метатексту и играет важную роль в понимании литературно-эстетического феномена Набокова-романиста.

Ключевые слова: поэтика, интерпретация, литературная игра, метатекст прозы В. Набокова.

Abstract.

In article is analyzed the story of V. Nabokov "Perfection" (1932) of the collection "Observer" (Paris, 1938). Research is connected with need of detailed studying of "small" prose of the writer. Stories of the beginning of the thirtieth years often are considered by critics as a stage of formation of the writer therefore are underestimated. In article the interrelation of the story with other texts of the writer, and also biographic and bible sendings are investigated. The author analyzes as the motive of a mathematical pattern (a mathematics lesson) set from the very beginning at the poetic level is developed in a metaphysical pattern. Also during interpretation it is shown how are represented in the story motives, significant for Nabokov's poetics, – motives destiny, memories, the childhood, vigilance/ vision, espial. As a result of research the author comes to a conclusion that the small epic genre in the general context of works of the writer is underestimated. In the story "Perfection" the main subjects and motives of the majority of works of Nabokov are concentrated ("The Defense"; "Lik"; "Camera obscura" («Laughter in the Dark»; "Pnin"; "Speak, Memory"; "Transparent Things", etc.) This story can be considered as a key to the Nabokov's metatext. This small story is very important for understanding of all creativity of Nabokov.

Keywords: poetics, interpretation, literary game, metatext of prose of V. Nabokov.

Комментаторы и исследователи творчества Набокова склонны относить его прозу к "музыкально-математически-поэтическому" типу сочинительства, где формальный "узор" разворачивается, проецируясь в различные плоскости. Согласно высказыванию М. Шраера "Набоков был композитором в высшем смысле этого слова. Он не только строил свои тексты как музыкальные партитуры, в которых, кроме мелодии и гармоний, есть указания на то, как исполнять, то есть читать эти произведения. Набоков зашифровал в своих текстах главные тайны бытия, тайны любви и смерти"[1, с.15]. С этой точки зрения читателю и исследователю интересен прежде всего сам процесс дешифровки, "превращения" формального "узора" в глубинное метафизическое содержание. Поэтому следует согласиться с мнением исследователя, что чтение набокловской прозы представляется действительно как "решение божественных кроссвордов и трансцендентальных задач композитора".

В качестве такого объекта для чтения и "разгадывания" нами взят рассказ "Совершенство" (1932) из сборника "Соглядатай" (Париж, 1938).

В "Других берегах" писатель сделает характерное признание: "Почти все, что могу сказать о берлинской поре моей жизни (1922 - 1937), издержано мной в романах и рассказах,

которые я тогда же писал"[2, с.286]. Впрочем, даже не ссылаясь на это высказывание, в рассказе легко можно обнаружить определенные биографические отсылки. Например, сюжет рассказа - учитель во время каникул сопровождает своего ученика, мальчика из еврейской семьи, на морской курорт в Померанию, - прозрачно биографичен. В 1925 г. Набоков сопровождал своего ученика, Александра Зака, на тогда еще немецкий курорт Зопот (сейчас город Сопот) [3]. Безусловно, в образе жизни главного героя - русского эмигранта Иванова, вынужденного зарабатывать на жизнь частными уроками, узнаваемы подробности жизни Набокова "берлинского" периода. Однако более глубокий биографический пласт, приоткрывающий тайны творческой лаборатории писателя, "спрятан", зашифрован в тексте. Его можно "вычленил" через тонкую, опосредованную связь с теми или иными деталями текста, а также другими произведениями Набокова.

Рассказ начинается с урока математики: "Давид был нежен и туповат. Глядя, как разгораются его уши, Иванов предвидел, что не раз будет сниться ему - через тридцать, через сорок лет: человеческий сон злопамятен" [4, с.261]. Дело здесь не только в сложных, неоднозначных отношениях между учеником и учителем, - тема, подпитываемая авторскими впечатлениями детства, сколько в акцентировании мотивов "памяти" и "повторения", столь важных для набоковской эстетики, для понимания творческого кредо писателя - "с удовлетворением отмеча[ть] высшее достижение мнемозины: мастерство, с которым она соединяет разрозненные части основной мелодии, собирая и стягивая ландышевые стебельки нот, повисших там и сям по всей черновой партитуре былого..." [2, с. 236]. Подобный пример "узора судьбы" мы находим в "Других берегах". Вспоминая своего учителя, "светлоглазого шотландца" Бернеса, Набоков пишет: "Уроки его были прескучные, и я всегда надеялся, чтобы хоть на этот раз сверхчеловеческое упорство запоздалого ездока не одолеет серой стены бурана, сгущающейся перед ним. Это было всего лишь свойственное восьмилетнему возрасту чувство, возобновление которого едва ли предвидишь в зрелые лета; однако мне пришлось испытать нечто очень похожее спустя четверть века, когда в чужом, ненавистном Берлине, будучи сам вынужден преподавать английский язык, я, бывало, сидел у себя и ждал одного особенно упрямого и бездарного ученика, который с каменной неизбежностью наконец появлялся (и необыкновенно аккуратно складывал пальто на добротной подкладке, таким пакетом на стуле), несмотря на все баррикады, которые я мысленно строил поперек его длинного и трудного пути"[2, с. 180].

В некотором роде, Давид и Иванов - автопсихологические двойники, две ипостаси жизни писателя (детство и зрелость). Иванов пытается "прозреть" себя в Давиде-ребенке (ср. выстраиваемый силлогизм: "ребенок - самый совершенный вид человека"). В этом ощутима набоковская эстетизирующая абсолютизация детства. Как уже отмечалось, рассказ начинается с урока математики, то есть с самого начала задается "узор", мотив двух линий: "Итак, мы имеем две линии, - говорил он Давиду бодрим, почти восторженным голосом, точно иметь две линии - редкое счастье, которым можно гордиться"[4, с. 261]. Авторские детские впечатления, связанные с "игрой" геометрического узора, приоткрываются другим "совершенным ребенком" - Лужиным: "...как раз в это время он необычайно увлекся сборником задач, "веселой математикой", как значилось в заглавии, причудливым поведением чисел, беззаконной игрой геометрических линий, - всем тем, чего не было в школьном задачнике. Блаженство и ужас вызывало в нем скольжение наклонной линии вверх по другой, вертикальной, - в примере, указывавшем тайну параллельности. Вертикальная была бесконечна, как всякая линия, и наклонная, тоже бесконечная, скользит по ней и поднимаясь все выше, обречена была двигаться вечно, соскользнуть ей было невозможно, и точка их пересечения, вместе с его душой, неслась вверх по бесконечной стезе. Но при помощи линейки он принуждал их расцепиться: просто чертил их заново, параллельно друг дружке, и чувствовал при этом, что там, в бесконечности, где он заставил наклонную соскочить, произошла немислимая катастрофа, неизъяснимое чудо, и он подолгу замирал на этих небесах, где сходят с ума земные линии"[5, с. 13]. В рассказе, как и в "Защите Лужина" очень важна тема музыкально-математического разрешения жизни,

например, она подхватывается и развивается в эпизоде, где Иванов проводит "параллель" между своими отроческими ощущениями и мироощущением Давида: "Когда же, в каком-нибудь 1970 году <...> ему попадет картина, - Бонзо, пожирающий теннисный мяч, - которая висит сейчас в его спальне, он почувствует толчок, свет, изумление пред жизнью" [5, с. 264]. В качестве биографического и психологического подтекста этой "параллели" может послужить эпизод сходных переживаний, приведенный в "Других берегах": "Мне лет восемь. Василий Иванович поднимает с кушетки в нашей классной книжку из серии *Bibliothèque Rose*. Вдруг, блаженно застонав, он находит в ней любимое им в детстве место<...> и через сорок лет я совершенно так же застонал, когда в чужой детской случайно набрел на ту же книжку..." [2, с. 172]. Роковой "узор" судьбы проявляется и в том, что Иванов, сам того не подозревая, предсказывает свою судьбу: "Чего ты дуешься, пойми, следует разнообразить удовольствия. Да и нельзя злоупотреблять купанием. Как часто бывает, что неосторожный купальщик гибнет от солнечного удара или от разрыва сердца" [4, с. 267].

Заданный в самом начале мотив геометрической симметрии находит самые различные пространственные метафорические эквиваленты: это и "продольные полосы каналобразных морей" старинных карт, занимающих воображение Иванова, и "симметричный архипелаг огневой боли" - ожог, полученный от загара, и "Марсовы каналы", созерцаемые при зажмуривании глаз на солнце. Но, как часто бывает у Набокова, формальный "узор" скрывает внутреннюю глубину, метафизическое измерение. Во-первых, мотивом двух линий задается тема романтического двоения, в которой живет герой. С одной стороны, есть мир обязанностей и страшной нищеты, а с другой - внутренняя душевная жизнь, где линии геометрические превращаются в линии "географические", линии душевных странствий и скитаний.

На сюжетном уровне узор математического контрапункта проецируется на линии судьбы героев, например, посредством мотива "воображаемого кровного родства". Давид представляется Иванову его умершим сыном, мальчиком, в котором воплотилась душа так и не родившегося младенца: "И в эту ночь, и в следующие Иванов смутно думал о многих вещах зараз и между прочим представлял себе, что мальчик, спящий на соседней кровати, - его сын. Десять лет тому назад, в Сербии, единственная женщина, которую он в жизни любил, чужая жена, забеременела от него, выкинула и через ночь, молясь и бредя, скончалась. Был бы сын, мальчишка такого же возраста" [4, с. 265, 266].

Герои проходят определенные ступени перевоплощения, обретая новое бытие: Давид, пройдя через таинство смерти и воплощения, достигает совершенства (ср.: "ребенок - самый совершенный вид человека"), Иванов в момент смерти освобождается от телесной оболочки, достигая совершенного соприкосновения с миром, невозможного при жизни.

Согласно закону евклидовой геометрии, параллельные линии никогда не пересекаются, предполагая дурную бесконечность, которую нельзя остановить, прервать. Между тем, главным героем совершенство осознается как слияние внешнего и внутреннего, соединение несоединимого. Иванов мечтает о совершенном соприкосновении с миром, но это слияние осуществляется лишь в момент смерти. Так геометрический "узор" приобретает философско-метафизическое измерение, линии сливаются в пространственной катастрофе: смерть человека всегда катастрофа, а с другой стороны - гармония слияния с мирозданием.

Основными мотивами рассказа являются мотивы "созерцания", "соглядатайства", важные не только для сборника, но и в целом, для творчества Набокова. Жизнь Иванова можно представить как путь "прозрения", обретения "внутреннего зрения". Не случайно на протяжении всего повествования он пытается вспомнить нечто "удивительное", "высчитывая какие-то меры жизни, жалости, счастья". При этом отмечается "расстройство" зрения героя как в прямом, так и в переносном смысле Ср.: "...ему казалось, что у него помутилось зрение..."; "...его кругозор сузился вследствие очков, он боялся возможных автомобилей"; "...он ослеп, хотел снять очки, но от волнения<...> не мог с ними справиться". Подобно другим набоковским героям, например, Бруно Кречмару ("Камера Обскура"), Иванов прозревает только в момент смерти (ср.: "Только тогда были сняты тусклые очки..")

Ребенок несомненно обладает "внутренней зоркостью". Таков Давид, который «копит и другое - яркие детские впечатления, оставляющие свою краску на перстах души». Не случайно, в разговоре с Давидом, Иванов обронит фразу: "Если когда-нибудь, ты, не дай Бог, ослепнешь...". Мотив созерцания коннотирован ветхозаветными библейскими аллюзиями, возникающими как в непосредственной связи с темой детства - "ветхозаветного рая", так и с именем мальчика. Давид - божий помазанник на царство над "всеми коленами израилювыми", прежде чем стать царем и пророком, большую часть своей юношеской жизни провел среди величественной природы Палестины, созерцая величественную красоту творений Божиих. Эту красоту будут созерцать и более поздние паломники, в частности, упоминаемый в рассказе игумен ("чудесные странствия; путешествующий игумен сравнивает Иордан с родной черниговской речкой..."), первый русский паломник игумен Даниил (12 в.), описавший в своем "Хождении" Палестину.

Фокус "соглядатайства" связан не только с образом автора-повествователя, наблюдающего за героем, но и с "внутренним зрением" самого героя, способного также видеть себя со стороны и слышать изнутри: "Он видел себя со стороны. Нечистую, раздраженную бритвой кожу, лоск черного пиджака, пятна на обшлагах, слышал свой фальшиво оживленный голос, откашливание и даже то, что Давид слышать не мог, - неуклюжий, но старательный стук давно больного сердца"[4, с. 263].

Рассказ "Совершенство" - не только "вершина набоковского искусства картографирования пространства" (М. Шраер). Он интересен тем, что аккумулируя темы и мотивы многих набоковских произведений ("Защита Лужина"; "Лик"; "Камера Обскура"; "Пнин"; "Другие берега"; "Просвечивающие предметы" и др.), может использоваться в качестве ключа-интерпретатора к набоковскому метатексту, приоткрывая тайны литературно-эстетического феномена писателя.

В существующей критике преобладает позиция рассматривать малый эпический жанр лишь как этап становления Набокова - романиста, что привело, на наш взгляд, к недооцениванию жанра рассказа как самостоятельного, полновесного, значимого эстетического явления в общем контексте творчества писателя. Пристальное чтение рассказов показывает их важную роль как для понимания литературно-эстетического феномена Набокова-романиста, так и для интерпретации набоковского метатекста.

Библиографический список

1. Шраер Максим Д. Набоков: Темы и вариации. - СПб.: Академический проект, 2000. – 384 с.
2. Набоков В.В. Собр. соч. в 4-х т. - Т.4. - М.: Правда, 1990.
3. См. об этом: Бойд Брайн. Владимир Набоков: Русские годы: Биография. - М.; Спб.: Независимая газета: Симпозиум, 2001. - 695 с.
4. Набоков В.В. Рассказы. Воспоминания. - М.: Современник, 1991. – 653 с.
5. Набоков В.В. Защита Лужина: Роман. - М.: Современник, 1989. – 123 с.

УДК 82

МИФОПОЭТИКА ПРОЗЫ О. БОКЕЕВА

Гайнутдинова Г.Ф.

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, г.Караганда

gylyfiya_28@mail.ru

MYTHOPOETICS OF O. BOKEEV'S PROSE

Gainutdinova G.F.

KEUK, Karaganda, Kazakhstan

Аннотация.

Статья раскрывает архетипический образ Оленя в произведениях О.Бокеева, что позволило нам понять метафорический и мифологический контекст произведений «Кербугу»

и «Человек-олень», где образ Оленя выступает как символ новой жизни и внутренней свободы.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, мифологический контекст, архетип, архетипический образ, символ

Abstract.

This article reveals the archetypal image of Deer in O.Bokeev's works, which allowed us to understand the metaphorical and mythological context of the works of "Kerbugu" and "Man-Deer", where the image of Deer stands as a symbol of new life and inner freedom.

Keywords: myth, mythopoetics, parable, legend, mythological context, archetype, archetypal image.

Постоянное взаимодействие литературы и мифологии протекает непосредственно, в форме «переливания» мифа в литературу, и опосредованно: через изобразительное искусство, ритуалы, народные празднества, религиозные мистерии, а в последние века – через научные концепции мифологии, эстетические и философские учения и фольклористику.

Миф, в силу своей исконной символичности, является удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, существенных законов социального и природного космоса, он позволяет «выйти» за социально-исторические и пространственно-временные рамки ради выявления «общечеловеческого» содержания. Подобное внимание к мифу и породило закономерный интерес исследователей к вопросу об особенностях его функционирования в литературе. Обращением к мифу и мифологическому мышлению характеризуются такие писатели, как Дж. Джойс, Т. Манн, Кафка, Маркес, Е. Замятин, Л. Андреев, М. Булгаков, Ч. Айтматов, О. Бокеев и другие.

В казахской литературе мифологические тенденции стали проявляться на рубеже 60–70-х годов. Литература этих лет начинает обретать новое качество. Писатели устремляют взор в глубь времен, обращаются к мифу, фольклору. Как известно, взаимодействие мифа и литературы на протяжении всей истории человечества развивалось по принципу «притяжения – отталкивания». Мифологические мотивы сыграли большую роль в генезисе литературных сюжетов; мифологические темы, образы, персонажи используются и переосмысливаются в литературе почти на всем протяжении ее истории.

Но мифологизация творчества – это не только способ одухотворения эстетического мира и выхода на уровень решения общечеловеческих вечных вопросов бытия. Апелляция к мифу усложняет художественную структуру произведения, способствует появлению различных форм иносказания, углубляет смысловую многоплановость произведения.

В данной статье мы попытаемся выявить, осмыслить и исследовать в образном строе архетипический образ Оленя, показать значимость этого образа для всей художественной системы произведений О.Бокеева.

В основе понятия «миф» как системы первобытной духовной культуры человечества лежит отображение мира первогероев и первособытий. Следовательно, по Юнгу К. Г., миф – это хранилище человеческого опыта, воплощение «коллективно-бессознательного», своеобразная энциклопедия архетипов.

Архетип – понятие, зародившееся и обоснованное в работах швейцарского ученого К. Г. Юнга, занимавшегося изучением психики, в особенности бессознательную сферу. Бессознательное – это объективное свойство психики. Коллективное бессознательное как бы концентрирует в себе «реликты архаического опыта, что живут в бессознательном современного человека» [3, с. 341]. В архетипах, по К. Юнгу, выражается «коллективное бессознательное», т.е. та часть бессознательного, которая не является результатом личного опыта, а унаследована человеком от предков. Иначе говоря, коллективное бессознательное хранит память о прошлом, т. е. архетипическую память. Архетип — это «психический орган», вырастающий в душе человека «как цветок», это «мотивы», «первообразы», «типы» [3, с. 57]. Современная наука подтвердила, что архетип — это глубокий уровень

бессознательного.

В рамках генетической теории К. Юнг устанавливает тесную связь архетипа с мифологией: мифология — хранилище архетипов. Таким образом, первобытный образ, названный однажды архетипом, всегда коллективен, т.е. он является общим для отдельных народов и эпох.

Пронизанность литературы и искусства в целом (живопись, скульптура, музыка) архаическими мотивами приводит к тому, что понятие архетипа становится необходимым инструментом исследования. Произведения искусства рассматриваются как текст огромного мифа, созданного человечеством, в котором в бесконечных вариантах изображаются ключевые ситуации, мифологемы, символы, архетипические модели-образы, мотивы. Вся поэзия пронизана архетипами, которые есть первичные образы прежде всего природы: *лес, поле, море, рождение, брак, смерть, море, огонь, солнце, луна* и др.

Присутствие архаических и мифологических мотивов несомненно в произведениях О. Бокеева. Архетипический образ, вслед за К. Юнгом, мы определяем как генетически фиксированные древние образы и социально-культурные идеи, которые являются достоянием «коллективного бессознательного» и лежат в основе творчества. Прежде всего, архетипический образ — это художественный образ, который обладает универсальностью, фундаментальностью, и, который присущ мифическим мотивам и образам, имеющим общечеловеческий характер. Архетипом мы называем нечто изначальное, первичное, по отношению к которому образ вторичен. Архетип — это прообраз, а образ есть как бы отпечаток, оттиск.

Наиболее интересным и глубоким в теории архетипов Юнга, является представление о метафорическом характере архетипической символики. «Даже лучшая попытка перевода есть не что иное, как более или менее счастливый перевод на другой образный язык» [3, с.11]. «То, что всегда высказывает архетипическое содержание, ближе всего к сравнению» [3, с.104]. Когда в фантазии появляется образ солнца или льва, который с ним отождествляется, или короля, или дракона, стерегущего сокровища, то, считает Юнг, это ни то ни другое, а некое третье, которые весьма приблизительно выражается этими сравнениями.

Образ Оленя возникает в двух рассказах О. Бокеева: «Человек-Олень» и «Кербугу». Оба героя близки природе. Но один из них — это человек, а второй олень...

Актан еще ребенком увидел брачные игры оленей и влюбился в этих гордых и вольных животных: «Услышал он от старших ребят, что необычны, дики и неистов у маралов брачные игры, захотелось ему увидеть своими глазами Битва оленей началась, когда позднее осеннее солнце вынырнуло из-за вершины Акшоки. Самцы не спеша отошли от самок и стали парами друг от друга. Словно по неслышной команде, они опустили головы, каждый попятился, а затем яростно двинулся вперед — сплошной треск пошел по тайге, когда столкнулись их мощные рога... Обессиленные, шатаясь, падая на землю, а покидали поле боя побежденные; и лишь самые могучие, неутомимые — остались два быка — бились еще часа полтора, затем один одолел другого и, протрубив в небо о своей победе направился к стоявшим поодаль ланкам. Собрав их всех в стадо, погнал их перед собою на склоны Карашоки... Актан вернулся в аул [не с того ли дня прозвали его Оленем?] и только через неделю смог вернуться в тайгу к Карашоки... На месте битв самцов лежал победитель, исхудалый и обессиленный, похожий на высохший труп. Актан подошел и потрогал его за рога, тот даже не попытался встать. Видимо, и на это сил не осталось...» [1, с.128].

Это произошла встреча героя Актана с Кербугу... Это Кербугу, обессиленный и исхудалый, не смог подняться и догнать свое стадо, которое увел у него Жасбугу... С того времени, Актан — уже не человек, а Человек-олень.

Кербугу — это мощный серый олень, вожак оленьего стада... Но он повержен... Только не в честном поединке, а тогда, когда сил уже не осталось у Кербугу на своих молодых маралих: «Кербугу, одержавший с таким трудом эту свою, вероятно, последнюю победу, понимал, что ни сил, ни желаний на все дальнейшее у него нет... И, все-таки

раздувая ноздри, обхаживал пахучую озорную молодницу...А кости у него ломило, и все суставы как бы налились тяжелой желтой жидкостью и нестерпимо ныло...Где ты, его сила и ярость?...Кербугу был бессилён... И тут Жасбугу не выдержал... И он, словно молодой барс, прыгнул на старика... А тот вдруг тяжело рухнул на колени подле молодницы. И тогда Жасбугу с ревом и свистом налетел на него («Сдыхаешь, старый пес, а лезешь туда же!») и нанес такой страшный удар в бок, что от него старый вожак, десять лет не знавший поражения, упал навзничь... А молодницы, увидев это, подбежали к победителю... И в следующее мгновение Жасбугу уже гнал все стадо через перевал...Эх, старость, старость, почему ты не видишь себя! День, проведенный на базаре юности, обязательно принесет тебе тысячу дней муки и страдания...» [2, с. 278-279].

Кербугу одинок, одинока его старость, его смерть... Но он гордый и свободный, хотя и живет в загоне, и как отмечает Актан: «Сколько лет их кормит-поит с руки человек, а они не как не привыкнут.. свободные, дикие создания...» [1, с.128]. Кербугу мечтал о воле...И как горько было осознать Кербугу, что он живет в неволе, что он гордый и вольный олень узнал о страдании, увидел алчность людей и познал их жестокость: «...Человек, хозяин этой вселенной, ходил вокруг, держа наготове пилку-ножовку, и в его ненасытных, алчных глазах олень увидел свое отражение...Кривые зубья пилы вгрызлись в мохнатые основания рогов...Огромные, испуганные, молящие глаза его налились кровью и чуть не вылезли из орбит.. Вот так впервые олень, гордый, вольный, носивший с холма на холм, из низины в низину наперегонки с ветром, постиг горькое и сладкое начало жизни и вкусил ее... Кербугу ... помчался как вихрь...Куда глаза глядят... Он понял, что они, олени, живут в загоне...Настоящей воли для оленей, видно, не было и не будет...» [2, с.281].

И вот сейчас на последних минутах жизни Кербугу захотел стать свободным: «Сейчас он освободился от всего, что тяготело над ним, - от человека, от его хватких рук, от бесстыдной молодой оленихи, от унижения перед молодыми соперниками, от старости и, наконец, от изгороди...Глаза у него горели, изо всей силы он рванулся головой вперед – вот она свобода! Несколько секунд стоял неподвижно, не понимая, что произошло, а потом поняв, что ограда позади, что здесь он на вольной земле, что никто ему больше не хозяин, помчался к белой горе... Он бежал и боялся оглянуться, он не мог видеть эту проклятую ограду! И вот она, мечта его, белая гора!...И снова в этот миг он был молодым и сильным, и не было в стаде сильнее его...Он стоял. Он смотрел: молодой. Сильный, готовый на любой подвиг; и в это время две пули впились в его рога, в те две горящие пульсирующие точки боли, которые осталист от рогов. И старый олень Кербугу, вожак, не знавший до этого поражений, рухнул на землю. Он даже ногой не шевельнул, он был мертв, и все...Никто к нему не подошел, никто не взял на себя этот выстрел на вольной земле в вольного оленя...» [2, с.285].

Финал рассказа метафоричен и мифологичен... Кербугу – протестант, это вольный олень, это гордый сын своей матери-оленихи, дитя природы, он – истинный победитель. В мифологии Олень – это благоприятный символ, ассоциирующийся с Солнцем, восходом, светом, чистотой, обновлением, возрождением, созиданием и духовностью. Из-за сходства оленьих рогов с ветвями образ оленя связан с Древом Жизни. Кроме того, рога оленя символизируют солнечные лучи, плодородие. Взрослый олень-самец - солнечная эмблема изобилия.

По своей метафоричности, Кербугу – это символ обновления, это символ новой жизни... символ рождения Человека, Младенца, главная цель которого победить тьму. В повести «Человек-олень» продолжена тема обновления. В Актане борются две силы: Оленя, как символа дитя природы, и Человека, как символа цивилизации.

О. Бокеева всегда интересовали люди, которые живут в основном соприродно, жертвенно, в постоянном совестливом беспокойстве, в безуспешном стремлении что-то изменить в этом мире. Это разновидность типа «природного человека», отшельника, мечтателя, природного мыслителя, представителя «темных людей», еще не тронутой, не оскотенной технократической цивилизацией. Они всегда [или почти всегда] один на один

со всем миром и, как правило, *внутри* природы. Это их главная, подчас единственная, родина.

Повествователь объясняет это прозвище Человек-Олень детской влюбленностью героя в оленей. Но все гораздо серьезнее, чем наивная вера в красоту и свободу прекрасных животных. Жизнь обрекает Актана на духовное сиротство: отец вернулся с войны, но где-то пропал на пути к дому, на попечении Актана немая от горя мать, любимый конь Белоглазый да брошенный жителями аул Аршака, который он согласился охранять.

По мнению Юнга, архетип Младенца – это «символ целостности и глубинных начал Природы» [3, с. 103]. Человек-олень один с немой матерью остается в ауле Аршалы. Он один не переселился со всеми остальными аульчанами. «Хватило ума понять – хотя и прозвали его Зверем, – что не переменится он и в таинственной. Непроглядной глубине своей души, как бы не перемещали его по земле; знал он, что главным и ничем не заменимым для него останется высь небесная над Алтаем, чувство полета и холодная вода из речки, которая вполне утолит его жажду» [1, с. 119]. Человек-олень соприроден, он чувствует близость с природой. «Пускай, — размышляет Актан, — я не умею думать или плакать. Но я буду жить по-своему, как могу, и никогда не откажусь от своей свободы...» [1, с. 146]. Внутренний голос, двойник, укоряет: жить только для себя нельзя. «Но кто, скажи мне, кто сейчас живет для других?» — сопротивляется Актан. [1, с. 146]. И в этих разговорах с самим собой приходит к выводу: «По мне лучше быть Человеком-оленем, чем Человеком-машиной». [1, с. 148]. Вот и люди зовут его Зверем, Человеком-оленем: «Каждый день он встает до зари. Выйдет за дверь и, словно волк, обнюхивающий летящий ветер, высматривает погоду» [1, с. 120]. Он одинок, покинут всеми, даже поговорить ему не с кем, ведь мать его немая.

Актан ищет для себя внутреннюю свободу. Только живя вдали от людей, он свободен... Но и он тоскует без людей... Встреча с одичавшим, полупомешанным человеком дала Актану новые тревожные мысли: «И впервые он испытывал душевную муку от того, что не умеет, оказывается в этой жизни различить дурное от хорошего. А не умея этого, остается беспомощным.. Та граница, что отделяет человека от животного, проходила именно здесь: в этой способности различать добро и зло. И Актан представил теперь эту границу настолько же ясно, как и четкую границу между жизнью и смертью, нищетой и богатством.... А еще думал Актан о способности человека – и только человека – представлять будущее. И в этом будущем он должен видеть своих потомков, могучую поросль своего семени. В этом и смысл и оправдание краткой его жизни на земле...» [1, с. 156]. Кербугу не может видеть будущего, он только размышляет, что возможно, Жасбугу – это плод его семени, таким образом, автор подчеркивает метафоричность образа Оленя... А смысл жизни Кербугу – быть свободным... Вот его главная ипостась жизни...

Одинок Кербугу среди оленей, одинок Человек-олень, одичал совсем без людей... Но природное в нем осталось... И Человек В Актане говорит, что современному человеку сказки не нужны, «забыл он о своем первородном робком смирении...Значит, мы подошли к свободе...» [1, с. 149]. А Олень В Актане убеждает, что человек становится «наглым и самоуверенным, утратив скромность и благородство сердца, лучшее из своих человеческих качеств» [1, с.149].

Близки по своему внутреннему мироощущению два героя, Актан и Кербугу. По своей метафоричности оба воплощают ахетипический образ Младенца, главными характеристиками которого являются «чудесное рождение, невзгоды раннего детства, покинутость и несущие опасность гонения» [3, с. 102.] «Для младенца характерны деяния, смысл которых заключается в покорении темноты. День и свет – синонимы сознания. Ночь и мрак – бессознательного. Главный подвиг – преодолеть чудовище мрака» [3, с. 104]. «Младенец-герой – носитель света, победитель мрака».

Кербугу побеждает свой мрак, становится свободным в последние минуты жизни, отрекаясь от всего. Но смерть ему приносит освобождение, это победа над мраком, над алчным Человеком-Машиной, победа света и добра. «Младенец – это возможное будущее» [3, с. 96.]. Младенец – это герой. «Триумф героя – это триумф сознания над

бессознательным. День и свет – синонимы сознания, ночь и мрак – бессознательного» [3, с. 99]. Актан прозревает не сразу. Актан, наконец-то, после стольких лет одиночества и забвения, выбирает путь к людям. «Может быть, не уживется там. В нижнем ауле, Человек-олень, затоскует его душа по дикой свободе, взбунтуется его кровь, и примчится он назад, в Аршалы, как в старое доброе убежище... А пока что он бежит, бежит как одержимый с сторону долины... Крепись, душа, не уставай, Человек-Олень...» [1, с. 176].

В Актане побеждает сила Человека, но сопряженного Оленю. Это не Уже не Олень, Но и еще не Человек цивилизации. Все-таки, это победа Человека-оленя... Олений вожак Кербугу вырывается из загона, чтобы погибнуть от пуль. Вот она характерная антропоморфность, роднящая человека и животного в конечной общности их судьбы.

О.Бокеев, всегда подчеркивает, что говоря о своих героях, он рассказывает о том, что они чувствуют, над чем плачут и что озаряет их радостью. И не может быть его герой счастливым, так как живет он, по мнению О. Бокеева, в век не только разложения атома, но и в век разложения самого человека.

Почему герой О. Бокеева, которому так понятна «скорбь земли» и тщета его многотрудной жизни, вдруг начинает понимать, что мир тоже одинок, так же беспомощен, как и человек? Что нет в природе хозяина, устанавливающего надлежащий порядок. Мир обретается сам по себе - брошенный и случайный. Почему?.. Не потому ли, что драму духа в машинном XX веке переживает не только степной, но каждый живой человек мира. Он уже не просто не успевает за машиной летящей или думающей. Наверно, ускоренное и всё ускоряющееся человеческое бытие выбивает его из жизненной колеи, превращает в ненужного, лишнего человека, тем более с его старомодной совестью и правдолюбием. Это уже катастрофа...Отсюда – одиночество, братание с конем и оленем, с песками и горами, лесами и степями. Отсюда как бы раздвоенное сознание человека, усомнившегося в самых главных ценностях человеческого бытия - любви, семейном родстве, межэтническом братстве. А может быть, и в смысле своего неторопливого, в лад с природой, вдумчивого жизнепроявления...

Таким образом, нами было исследован архетипический образ Оленя в произведениях О.Бокеева, что позволило нам понять метафорический и мифологический контекст произведений «Кербугу» и «Человек-олень», где образ Оленя выступает как символ новой жизни и внутренней свободы.

Библиографический список

1. Бокеев О. Человек-олень./ Бокеев О. Человек-олень. Повести и рассказы. – М.: Русская книга, 2003. – с. 117-178.
2. Бокеев О. Кербугу./ Бокеев О. Человек-олень. Повести и рассказы. – М.: Русская книга, 2003. – с. 273-285.
3. Юнг К. Г. Сновидения. Размышления./ Пер. с нем. – Киев, 1994. – 423 с.

СЕКЦИЯ Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы

УДК 811.161.1

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЖЕНЩИН ИЗ НАРОДА В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Коновалова И.Е.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

irina.freze@mai.ru

TOOLS OF THE PORTRAIT OF SPEECH WOMAN OF THE PEOPLE IN THE PROSE OF ANTON CHEKHOV

Konovalova I.E.

North Caucasus Federal University, Stavropol

Аннотация.

Статья посвящена речевому портрету женщин из народа в произведениях А.П. Чехова. Автор описывает средства создания речевого портрета героинь (диалектизмы, просторечия, народно-разговорный синтаксис). В результате взаимодействия языковых средств разных уровней языка представлен комплексный речевой портрет женщин из народа в прозе А.П. Чехова.

Ключевые слова: речевой портрет, женщины, А.П. Чехов

Abstract.

The article is devoted to speech Portrait of a woman of the people in the works of Anton Chekhov. The author describes the tools for creating a speech portrait characters (dialect, vernacular, popular-colloquial syntax). As a result of the interaction of linguistic resources of different levels of language presents a comprehensive portrait of female voice of the people in the prose of Anton Chekhov.

Key words: speech characteristics, women, Anton Chekhov

На сегодняшний день существует несколько понятий термина «речевой портрет». Признанным является определение Ю.Н. Караулова. По его мнению, речевой портрет – «это реализация в речи языковой личности человека, то есть представление в речи «многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [2, с. 32].

Анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности. При этом описание всех уровней и фактов языка совершенно не требуется. Обычно рассмотрению подвергается отдельная сторона, чаще всего это особенности фонетики и словоупотребления. Наиболее частотным среди исследователей является разделение речевого портрета на индивидуальный и коллективный.

В своих произведениях А.П. Чехов особенное внимание уделял речевым характеристикам людей из народа: крестьян, купцов, обслуживающего персонала. О.М. Моргулева отмечает, что «все они обладают общими характерными речевыми чертами, позволяющими отнести их к одному социальному кругу» [7, с. 6]. К ним она относит:

- просторечные слова и выражения;
- особенный народно-разговорный синтаксис;
- слова из лексико-семантического поля «религиозная этика» (разнообразные междометия «Боже мой», «Господи», «Царица Небесная», «святые угодники», а также разговорные выражения, отражающие народно-христианское отношение к миру («дай Бог здоровья», «буду за вас Бога молить» и т.д.) [7, с. 8].

Так же к этому перечню следует добавить диалектные единицы. Все названные особенности проявляются большей частью в прямой речи персонажей.

Посмотрим, какие же просторечные слова и выражения употребляют в своей речи женщины из народа: крестьянки, женщины, работающие в качестве обслуживающего персонала в доме господ.

Наиболее часто в своей речи героини используют **фонетические просторечные единицы** (заимствованные слова и собственно русские, усвоенные из литературного языка с нарушением фонетического облика). В рассказе «Кухарка женится» Аксинья говорит: «Тебе бы всё с почтальонами да **лепетиторами** перемигиваться!» [11, Т.4, с. 137]. Вместо литературного «репетитор» героиня использует «лепетитор», видимо, по аналогии «коридор» – «колидор». Употребляет в своей речи подобные лексемы и сваха Лукинишна (рассказ «Дура, или капитан в отставке»): «Есть у меня одна дурочка, да не знаю, **пондравится** ли...» [11, Т.2, с. 233]. И далее: «Богатый купец, красивый, **алигантный**,

словно молоденький офицерик» [11, Т.2, с. 234]. С точки зрения норм литературного языка эти слова должны произноситься «понравится» и «элегантный» соответственно. Жена садовника Варвара («Именины») говорит Ольге Михайловне: «**Бундить** живой» [11, Т.7, с. 195]. При этом сам автор в тексте делает ремарку: «так она выговаривала слово «будет» [11, Т.7, с. 195].

Чеховские героини «из народа» употребляют также **лексические единицы просторечия** (лексемы, имеющие в словарной статье помету «просторечное»): *давеча*, *блажь*, *завалищая*. Приведем пример. Жена лавочника Кузьмы Егорова («Суд») спрашивает у мужа: «*Это не те [деньги – И.К.], что ты давеча искал?*» [11, Т.1, с. 98]. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова приводится такое толкование: «**ДАВЕЧА**, нареч. (простореч.). Недавно» [10, с. 646].

В рассказе «Кухарка женится» старуха нянька Акулиня Степановна говорит кухарке Пелагее: «**Блажишь!** Какого лешего тебе еще нужно?» [11, Т.4, с. 137]. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля находим: «**БЛАЖЬ** – ж. дурь, шаль, дурость; в просторечие же: благовать, -ся, дурить, дурачиться, шалить, баловать, проказить, упрямитесь; сумасбродить, сходить с ума, бредить, грезить наяву, нести вздор, чепуху» [1, с. 84]. В рассказе «Дура, или капитан в отставке» сваха Лукинишна обращается отставному капитану Соусову: «*Зачем завалищую? За тебя, батюшка, и не завалищая пойдет*» [11, Т.2, с. 232]. В Толковом словаре В.И. Даля значит: «завали(ю)щий, дрянной, кинутый, заброшенный; в просторечие же: плохой, совсем непригодный, никому не нужный» [1, с. 498].

Таким образом, мы видим, что просторечные языковые единицы используют в своей речи необразованные или малообразованные женщины, преимущественно в возрасте: нянька Акулиня, сваха Лукинишна, жена лавочника, садовника. Все они являются обслуживающим персоналом в доме господ.

Многие ученые считают язык А.П. Чехова эталонным и образцовым. А.П. Чехов не был носителем какого-нибудь территориального говора, но как считает Т.А. Кудинова, «усвоил своеобразный язык, на котором общались его близкие, который был насыщен диалектизмами различного происхождения» [5, с. 231].

Чеховские героини используют диалектизмы в своей речи реже, чем герои. Так, в речи чеховских героинь нами были выявлены фонетические, грамматические, лексические диалектные единицы.

В речи героини повести «Бабы царство» пятидесятилетней богомолки Спиридоновны встречаем **фонетический диалектизм**, а именно элементы яканья: «*Эх, не жизнь, а маляница!*» [11, Т.8, с. 293]. Никаких помет об употреблении данного слова в определённой области в словарной дефиниции Словаря русских народных говоров нет: «Масленица и маляница, ы, ж. Масленая неделя, масленица» [8, с. 383]. Следовательно, данное слово употреблялось в разных говорах. **Грамматические диалектизмы** находятся на периферии диалектизмов (в узком смысле) и просторечий (тех, которые занимают промежуточное положение между литературным языком и территориальными диалектами).

В литературном языке существительные в родительном падеже множественного числа имеют различные окончания: для существительных мужского рода продуктивны окончания –ов(–ев), для существительных женского и среднего родов – нулевое окончание. В диалекте для существительных всех родов продуктивным является окончание –ов(–ев). В литературном языке ему в одних существительных (как мужского, так и женского рода) соответствует окончание –ей, в других – нулевое окончание [3, с. 128]. Это явление нашло отражение и в речи чеховских персонажей. Сваха Лукинишна («Дура, или капитан в отставке») говорит: «*И страх в ней от родителей вложен, и в церковь ее водят, ежели что...*» [11, Т.2, с. 233]. Вместо литературной формы «от родителей», сваха произносит диалектное «от родителей», заменив окончание –ей на –ев.

Проанализировав языковой материал, можно сделать такой вывод: диалектные единицы в своей речи используют преимущественно необразованные женщины среднего и

пожилого возраста: сваха Лукинишна, богомолка Спиридовна. По социальной принадлежности это крестьянки, обслуживающие персонал в доме.

Особое место в речи героинь из народа занимают слова лексико-семантического поля «религиозная этика». Они отражают народно-христианское отношение к миру, что в свою очередь говорит об определенной, специфической языковой картине мира крестьян, рабочих.

Так, подобная лексика встречается в речи кухарки Пелагеи («Кухарка женится»). Не желая выходить замуж за извозчика, она говорит: *«Ей-богу, барыня, не выйду! <...> Выдумываете, барыня! Такое скажут, что... ей-богу...»* [11, Т.4, с. 137]. Данное междометие имеет значение уверения. В Словаре синонимов русского языка зафиксированы следующие синонимы междометия «ей-богу»: правослово, в самом деле, честное слово, вот те (тебе) крест, клянусь [9, с. 673]. Междометие «ей-богу» также использует богомолка Спиридовна (или Жужелица), героиня рассказа «Именины». Она спрашивает Анну Акимовну: *«Хочешь идти за Пименова? Ей-богу?»* [11, Т.8, с. 294].

Часто в речи женщин «из народа» встречаем такие выражения как «бог знает что», «как перед богом», «бог даст». Так, в речи кухарки Пелагеи («Кухарка женится») находим: *«И бог знает что выдумывает, барыня!»* [11, Т.4, с. 138]. По данным Большого словаря русских поговорок выражение «бог знает что» означает «нечто невообразимое» [6, с. 45].

Сваха Лукинишна (рассказа «Дура, или капитан в отставке») говорит капитану Соусову: *«Не осуди ты меня, грешницу, за мои осуждения, а истинное мое тебе слово, как перед богом: не в себе она!»* [11, Т.2, с. 233].

Жена садовника Варвара («Именины») утешает Ольгу Михайловну словами: *«Ничего, ничего, барыня. . . Бог даст, живой бундить»* [11, Т.7, с. 195]. В Большом словаре русских поговорок дано следующее толкование фразы «бог даст»: «выражение надежды на благополучный исход чего-либо» [6, с. 47].

Таким образом, мы видим, что народно-религиозное восприятие действительности отражается посредством соответствующей лексики в речи героинь. При этом стоит отметить, что возраст значения не имеет. Кроме того, в речи представительниц интеллигенции мы так же встретим слова, относящиеся к лексико-семантическому полю «религиозная этика».

Стоит отметить, что речь женщин из народа характеризуется упрощенным, или народно-разговорным синтаксисом, который в свою очередь имеет ряд отличительных черт. М.Н. Кожина к ним относит:

- преобладание простых предложений;
- широкое использование вопросительных и восклицательных предложений;
- употребление слов-предложений;
- использование неполных, а также парцелированных предложений;
- наличие пауз, вызванных разными причинами, переспросы, повторы;
- перестройка фразы на ходу, разорванная структура с перебоями интонации;
- активность присоединительных конструкций, с вводными словами и частицами;
- активность междометных фраз;
- свободный порядок слов (слова располагаются в порядке формирования мысли). При этом всё важное передвигается в начало предложения [4, с. 437-438].

Итак, рассмотрим на примере, какие из этих черт присущи речи чеховских героинь.

Старая нянька Аксинья Степановна («Кухарка женится») в своей речи использует неполные восклицательные и вопросительные предложения. Так она говорит извозчику: *«Да что вы всё чай да чай? Вы бы водочки выкушали!»* [11, Т.4, с. 135]. И далее: *«Выкушайте!»* [11, Т.4, с. 135]. А когда тот отказывается, с огорчением отвечает: *«Какой же вы... Извозчики, а не пьете...»* [11, Т.4, с. 135].

Активность междометных фраз, свободный порядок слов, а также восклицательные предложения свойственны речи кухарки Пелагеи. Она то и дело восклицает *«Ей-богу, барыня, не выйду!»* [11, Т.4, с. 137]. И далее: *«Выдумываете, барыня! <...> Такое скажут, что... ей-*

богу...» [11, Т.4, с. 137]. Свободный порядок слов видим в ее фразах: «*Да он, барыня, старый!*» [11, Т.4, с. 137]. «*Вот еще навязался на мою голову, чтоб ему...*» [11, Т.4, с. 138].

В речи свахи Лукинишны («Дура, или капитан в отставке») присутствуют вводные конструкции: «*При твоём благородстве и, можно сказать, при твоих таких качествах за тебя любая пойдёт, и с деньгами...*» [11, Т.2, с. 232]. Кроме того, встречаются паузы и свободный порядок слов: «*Оно действительно, батюшка... Иная бедная покрасивей богачки будет...*» [11, Т.2, с. 233]. Также в речи Лукинишны видим перестройку фразы на ходу, а также разорванные предложения: «*Разные есть на примете (задумывается). Какую же тебе? Дур-то много, да всё умные дуры... У кажинной дуры свой ум... Тебе совсем дуру? (Думает.) Есть у меня одна дурочка, да не знаю, пондравится ли... Купеческого она звания и тысяч пять приданого... Собою не то, чтобы не красива, а так — ни то, ни се... худенькая, тонюсенькая... Ласковая, деликатная... Доброты страсть сколько! Последнее отдаст, ежели кто попросит... Ну, и кроткая...*» [11, Т.2, с. 233]. Видим, что сам автор объясняет наличие пауз, тем, что она думала, что же сказать дальше.

Таким образом, мы видим, что практически все черты разговорного синтаксиса, выделенные М.Н. Кожинной, имеют место быть в речи простых женщин из народа.

Проанализировав вышеизложенный языковой материал, отметим, что маркированные языковые единицы (просторечия, диалектизмы, лексика, относящаяся к семантическому полю «религиозная этика»), а также народно-разговорный синтаксис используются А.П. Чеховым для создания речевой характеристики женщин из народа. Они служат подтверждением социальной принадлежности (крестьянки, обслуживающий персонал), а так же уровня образования (необразованное, либо малообразованные). Речь этих чеховских героинь, благодаря взаимодействию языковых единиц разных уровней, отчетливо противопоставляется речи дам, принадлежащих к интеллигенции.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1863-1866. – Т.1.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
3. Касаткин Л.Л. Русская диалектология. – М., 2005.
4. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М., 2008.
5. Кудинова Т.А. А.П. Чехов как эталон языковой личности // Известия Ростовского государственного строительного университета. – Ростов-на-Дону, 2004. – Вып. 8. – С.231-235.
6. Макиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М., 2007.
7. Моргулева О.М. Формы авторского повествования в прозе А. П. Чехова конца 80-х - 900-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 23 с.
8. Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т Русского языка.– М., Л., 1965-2013. – Т.17.
9. Словарь синонимов русского языка / под. ред. А.П. Евгеньевой: в 2 т. – М.: Астрель, 2003. – Т.2.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. – М.: «Терра», 1996. – Т. 1.
11. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М., 1974-1982. – Т.1, Т.2, Т.4, Т.7, Т.8.

СЕКЦИЯ Язык и ментальность

УДК 81373. 21: 811. 511. 1

УПОТРЕБЛЕНИЕ ХАНТЫЙСКИХ ТОПОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕСТАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА МАЛЫХ НАРОДОВ

СЕВЕРА

Владимирова С.В.

Гуманитарный институт, Югорский государственный университет, Россия
vsv6725@mail.ru

USING KHANTY TOPONYMS IN ENGLISH TEXTS AS A REFLECTION OF NORTHERN INDIGENOUS PEOPLES NATIONAL COLOURING

Vladimirova S.V.

Humanities Institute, Ugra State University, Russia

Аннотация.

В ходе метода сопоставительного анализа исследовано употребление хантыйских топонимов в создании национального колорита в английских текстах; определено своеобразие; рассмотрена типологию топонимов, их функциональные характеристики; обобщен и систематизирован языковой материал. Доминирующую группу топонимов составили культуронимы (42%) и гидронимы (35%). Они отражают традиционные промыслы малых северных народов. Основой исследования послужили труды Воробьевой И.А., Дмитриевой Т.Н., Дульзона А.П., Калининой Л.И. и др.

Ключевые слова: топоним, топонимия коренных народов Севера, функции топонимов, национальный колорит, культура и ментальная деятельность

Abstract.

Using the method of comparative analysis, we studied the usage of Khanty toponyms in creating the national colouring in English texts, distinguished the variety, considered typology of toponyms, their functional characteristics, generalized and systematized language material. The dominant group of toponyms comprises culturonyms (42%) and hydronyms (35%). They reflect traditional crafts of Northern indigenous peoples. As the groundwork for the research conducted, we used the works of the following scholars: Vorobyeva I.A., Dmitriyeva T.N., Dulson A.P., Kalinina L.I.

Key words: toponym, toponymy of indigenous people of North, toponyms functions, national colouring, culture and mental activity

Подчеркивая важную роль топонимов известный отечественный ученый Мурзаев Э. М. отмечает, что «... невозможно представить себе жизнь современного общества без географических названий. Они повсеместно и всегда сопровождают наше мышление с раннего детства. Всё на земле имеет свой адрес, и этот адрес начинается с места рождения человека. Родное село, улица, на которой он живёт, город, страна - всё имеет свои имена» [1, с. 164].

Топонимика дает ценнейший материал для истории, устанавливая места поселений и пути миграций часто исчезнувших народов, характеризуя местные мифы, давая представления о типе поселения, об общественных и семейных отношениях. Топоним является своеобразным вместилищем знаний о стране, хранителем историко-культурной информации. Национально-культурный компонент семантики топонимов отличается особой страноведческой репрезентативностью, богатством культурно-исторических ассоциаций.

Проблемами топонимики в отечественной науке занимались известные российские лингвисты Даль В. И., Суперанская А. В., Успенский Л. В. Широко известны труды учёных Западной Сибири Воробьевой И. А., Дмитриевой Т. Н., Дульзона А.П., Калининой Л. И., Матвеева А.К и др. Тем не менее, топонимия коренных народов Севера, Западной Сибири заслуживает самого пристального внимания как уникальный источник информации об их языке, истории и культуре.

Необходимость номинации предметов природы и их классификации на классы и подклассы возникла в глубокой древности. Топонимы возникли раньше, чем первые письменные источники, поэтому они являются частью дописьменной истории языка.

Философы античности говорили о соотношении предмета и его наименования. Язык – то, благодаря чему осуществляется наименование предметов мира, «...поиски и нахождение оптимальных языковых форм для выражения необходимого содержания – это постоянно возникающая при порождении речи задача» [2, с. 7].

Образование топоним относят к греческим словам: *topos* – «место», «местность» и *onima* – «имя». Термин впервые употребляется в английском языке в 1899 году параллельно с уже существующим «*place name*».

Проведенный анализ понятия показывает, что он имеет место во всех сферах человеческой деятельности и жизни народа. Ученые рассматривают данное языковое явление сквозь призму истории, географии, психолингвистики, культуры. Эти науки влияют на возникновение, формирование и становление топонима в определенном языке, а также значение, которое он несет, и функции, которые он выполняет.

В научной литературе «топоним» используется как географический и лингвистический термин, он выполняет ряд функций: номинативно-когнитивную, культурологическую (Карабулатова И. С., Омарова Г. Т.), историческую (Никонов В. А.), географическую (Воробьева И. А., Маракуев А.В.), психолингвистическую (Джейкоб К., Введенская Л., Колесников Н.), когнитивно-репрезентативную (Кубрякова Е. С.) и др.

Рядом ученых (Карабулатова И. С., Омарова Г. Т.) топонимы характеризуются как средство создания национального колорита, т.к. в их структуре отражаются результаты ментальной деятельности народа, его социокультурный опыт» [3, с. 43]. Схожей точки зрения придерживается шведский ученый Эйлерт Экволл полагая, что они отражают этнические особенности расселения народа, помогают определить отдельные периоды иммиграции» [4].

В аспекте изложенного "топоним" будет рассматриваться как *лексический знак, отражающий историю, культуру и ментальную деятельность народа, а также этнические особенности его расселения.*

С целью выявления функционирования хантыйских топонимов в англоязычных текстах были проанализированы очерки о жизни малых северных народов, посвященные хантыйскому языку, культуре и быту [5].

Исследование показало, что многочисленную группу, найденных в тексте топонимов, составляют гидронимы, а именно, потамонимы (35%). Это объясняется тем, что ханты издавна селились вдоль рек, и поскольку расстояния между поселениями были значительными, то внутри каждого речного бассейна складывалась своя культура, отличная от других. Так возникли локальные субэтноты и культуры ваховских, аганских, юганских, казымских и многих других ханты, которые прослеживаются в названиях рек: the *Yuhan-Yagun* (Юхан-Ягун), the *Vat-Yegan* (Вать-Еган), the *Yugan* (Юган), the *Agan* (Аган), the *Tromagan* (Тромьеган), the *Salym* (Салым).

*For example, on the **Yugan** there were many Lissaks, on the **Agan** – Yeremeys and Romans, on the **Tromagan** – Ivans and Konstantins* [5, с. 15]. - *Например, на **Югане** много Лисаков, на **Агане** – Еремеи да Романы, на **Тромьегане** – Иваны да Константины.*

*The **Kazym people** asserted that he was from the Moldanov family, the Lyamins and the Pims – from the Khorovy family, the **Tromagans** - from the Medved family, the **Agans** – from the Bobr family* [5, с. 256].

***Казымские** уверяли, что он из рода Молдановых, ляминские и **пимские** – что из рода Хоровых, **тромаганские** – из рода Медведя, **аганские** - из рода Бобра.*

Приведенные примеры топонимов подчеркивают не только отнесенность населения к тому или иному субэтноту, но и вызывают ассоциации, связанные с культурными особенностями (диалектом, территорией проживания, особенностями быта).

Отношение северных народов к рекам овеяно мифами и легендами, которые объясняют их происхождение, описывают местность, характеризуют ландшафтные особенности бассейнов. Реки олицетворяются и различаются по половым признакам. Так,

например, «мужчинами» считаются Тромьеган, Пим, Вах и Васюган. «Женщина» – Аган. Более того, Тромьеган и Аган – супружеская пара.

Река the Agan (Аган) получила свое название от хантыйского слова «еган», которое переводится просто – река, the Tromagan (Тромьеган) в переводе с хантыйского языка «река Бога». Большинство названий рек состоят из двух слов, конечное имеет значение «река», «вода», по нему можно узнать хантыйские, селькупские, тюркские и другие названия. У народов ханты река обозначается словами «иган», «еган», «юган», «игай»: the Laryegan (Ларьеган), the Vatyegan (Ватъеган), the Kulyegan (Кульеган).

Количество ойконимов (10%) ограничено. Они используются для построения пространственно-временного континуума, выполняя функцию связующего элемента, который привязывает вторичную действительность к объективно существующей реальности. Среди ойконимов выделяются астионимы – названия городов и населенных пунктов: *village of Polnovat* (большое село Полноват), *the Mohtic-Yegan village* (селение Мохтик-Ёганских людей), *Surgut, Ugut, Layntor, Megion*.

Kogalym в переводе с хантыйского означает «топь», «болото», «гибкое место». Город построен на болотистой местности, и раньше ханты здесь не селились. Астионим *Pokachi* произошел от хантыйской семьи Покачевых, *Megion* – от хантыйского *mexi, megi, megii* – «излучина», «изгиб», «крутой поворот реки». Коренные народы подразумевали крутой поворот реки в этом месте.

Самую большую группу топонимов составляют культуронимы (42%), в частности, *идионимы*. Присутствуют многочисленные наименования предметов и явлений традиционного быта. Для иноязычного читателя это имеет огромное значение, поскольку именно данные лексические единицы передают информацию об образе жизни и быте народа ханты, подчеркивают национальную специфику бытовой культуры: *choom* (чум), *kissys* (кисы), *oblas-kaldankas* (обласы), *yagushka* (ягушка), *labaz, malitsa* (малица – мужское зимнее пальто), *maskodan* (макодан – отверстие вверху чума), *podvolokys* (камусные лыжи), *koranitsa* (копаница, где олени раскопывали снег) и др.

Употребление лимнонимов (названия озер, прудов) и оронимов (горных хребтов) в проанализированном тексте незначительно, например, *Samotlor* в переводе с хантыйского означает «мертвое озеро», «худая вода». Рыбаки в большом количестве находили на берегу мертвую рыбу, причиной гибели которой стал газ. Ханты употребляют ороним *Kev* («камень», «каменная гора»), называя им Уральские горы. Отсутствие данного вида топонимов связано с тем, что Урал и его предгорья не входили в территорию расселения ханты.

Таким образом, найденные группы топонимов в исследуемых материалах распределяются неравномерно: преобладают гидронимы и культуронимы, которые отражают традиционные промыслы малых северных народов – оленеводство и рыбную ловлю.

Употребление топонимов раскрывает культурно-исторический контекст произведения. Наименования элементов другой культуры придают особую стилистическую окраску, подчеркивают экзотичность описываемых предметов и явлений. Способствуя созданию фона внешней культуры, топонимы вносят свой неповторимый вклад в создание национального колорита текста.

Библиографический список

1. Мурзаев Э.М. Изучение географических названий. Рассказы об учёных и путешественниках. – М.: Мысль, 1979. – С. 164–175.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – М., 2004. – 560 с.
3. Омарова Г.Т. Теоретические проблемы изучения топонимов: онтологический и гносеологический аспекты. – Казань: Вестник КазНУ, 2008. – С. 43.
4. Eilert Ekwall. The Free Encyclopedia. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 15.12.2015. - URL [https:// ru.encydia.com/en/Eilert Ekwall](https://ru.encydia.com/en/Eilert_Ekwall) (дата обращения: 15.12.2015).

5. Aipin Yeremey. Mother of god in blood-red snows. – Ekaterinburg: Publishing House «Parkus», 2006. – 304 p.

УДК 81-22

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКИХ РЕКЛАМНЫХ РОЛИКОВ

Елкина Е.В.

Московский государственный лингвистический университет

Евразийский лингвистический институт, г. Иркутск

katerina16-08-94@mail.ru

THE PRAGMATICS OF THE AMERICAN COMMERCIALS

Elkina E.V.

Moscow State Linguistic University Eurasian Linguistic University, Irkutsk

Аннотация.

Статья посвящена исследованию американских рекламных роликов и их воздействия на общество. В статье рассматривается теоритическая информация о влиянии, которое оказывает реклама на людей, приводятся статистические данные о проценте людей, подверженных внушению рекламы. Также приводятся и рассматриваются конкретные примеры известных рекламных роликов и эффект, который они произвели на общество.

Ключевые слова: рекламный ролик, влияние, реклама

Abstract.

The article investigates the American commercials and their impact on society. The article discusses theoretical information about the influence of advertising on people and gives the statistics about the percentage of people that are exposed to be influenced by advertising. Also there are specific examples of popular commercials and the effect they had on society.

Keywords: commercial, influence, impact, advertisement, advertising

Advertising has become an inherent feature of the American lifestyle. Over recent decades American advertising has become a bright social phenomenon and the main topic of many discussions and investigations. The principal issue of such debates is an influence on a recipient and his thinking. Thus, the purpose of this investigation is to study the pragmatic aspect of an American advertising, exactly TV advertising. The object is the American advertising, to be precise, TV commercials. The subject of the work is its influence on American society.

Initially, advertising served only as information about products and services, but since the 30s the U.S. economy, with the help of advertising, has been forming market management mechanisms which manipulate people's needs, their expectations and demands. TV commercials, which are brief advertising spots, ranging in length from a few seconds to several minutes and producing to market a service or goods [8], have become the main kind of advertising that have the most negative influence on people. Advertising spots are the principal source from which almost 90% of American people learn about a new product. Television Bureau of Advertising made a survey which showed that 80% of 3000 participants are influenced by commercials [9]. From two equal objects people choose the one that is the most popular in response to an outstanding commercial. It means that TV advertisements tend to have a decisive role in making a choice and create a persistent impression that it is impossible to be without this product.

Moreover, TV advertising imposes the model of consumer behavior, and even change the way of thinking. The model of market implies that goods should be changed quickly, not because they have become non-functional, but because they have lost their symbol of status and new products have appeared in market. A real example of this can be the change of car models by automobile companies. In fact, it means that not consumers make their own choice, but ruling companies decide it for them.

Another reason for so powerful impact of advertisements on a person is so-called contented ideology [5]. It means that a commercial forms a circle of interests and desires without any troubles and difficulties; everything is perfect and right. If, in other words, a commercial echoes with the aspirations, the values, the purposes of the recipient, it is successful. A systematic character and frequency of TV commercials make an influence on a society more effective. Two thirds of American people recognize that they are dependent on TV advertising [9]. But they are satisfied with such a situation, and even form ratings of the most effective and non-effective commercials.

An example of the most popular recent commercial can be the commercial of Volvo Trucks [13]. To demonstrate the stability and precision of Dynamic Steering system the Swedish Car Company invited an American star Jean- Claude Van Damme as the main character to show his epic split when he moves on parallel trucks. Due to participation of the famous star and the fantastic video content, the commercial has become very successful, the positive reaction of the public turned out impressive. Another example of commercial is “Empowering” by Microsoft [3]. The Company tells the real story of how peoples’ lives are changed through Microsoft technology and hopes we feel as inspired by them as they do. This one-minute ad celebrates what technology can do: how doctors use technology in the operating room, how Skype brings children around the world together to learn, how physically challenged people can continue to pursue their passions in life with the help of technology and so on. This commercial received a strong positive emotional response of the public and became one of the most effective commercials. Thus, these examples show that American companies try to make commercials in such a way that consumers could not remain indifferent.

However, besides effective commercials, there are unsuccessful ones. An illustration of such a commercial can be advertising of a new car model Polo by Volkswagen [12]. To attract the attention of consumers and to showcase the best qualities of the new Polo, the advertiser chose a very unfortunate way: he chose the topic of terrorism. The plot contained the following negative idea: a terrorist attempt to detonate a bomb at a popular cafe failed because the strong car body restrained the explosion, and all the "victims" stayed alive. The commercial, in which its creators tried to invest a humorous sense, caused a very serious reaction of society, including the accusations of racism and attacks on the Arab population of Germany, and also – a hidden call for terrorist acts against civilians. Such failures are the result of professional incompetence of advertisers and the wrong strategy of advertisement creators.

To conclude it all, American commercials are an effective mechanism for manipulating people's needs. Imposing a so-called system of forced consumption, commercials take part in the exploitation of the broad masses of people. Advertising ignores the true interests of a consumer and stresses what is important for the companies which organize mass TV advertising. TV commercials constantly artificially force consumer demands and expectations, make a person actively struggle for social prestige which is usually measured by the number of items and services consumed by humans.

References

1. Advertisements and its impact on children. [Электронный ресурс]. URL: http://ciet.nic.in/MediaClub/pdf/advertising_and_impacts.pdf (дата обращения: 23.12.2015).
2. Berger, Arthur Asa. Ads, fads, and consumer culture: advertising's impact on American character and society / Arthur Asa Berger. — 1993.
3. “Empowering” by Microsoft. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qaOvHKG0Tю> (дата обращения: 18.12.2015).
4. Gary White. The Influence of Television Advertising. — [Электронный ресурс]. URL: <http://smallbusiness.chron.com/influence-television-advertising-64010.html> (дата обращения: 21.12.2015).
5. Goldie Hayko. Effects of Advertising on Society: A Literary Review. — [Электронный ресурс]. URL: <http://hilo.hawaii.edu/academics/hohonu/documents/vol08x16effectsofadvertisingonsociety.pdf> (дата обращения: 16.12.2015).

6. How Advertising Manipulates Your Choices and Spending Habits (and What to Do About It). — [Электронный ресурс]. URL: <http://lifehacker.com/5824328/how-advertising-manipulates-your-choices-and-spending-habits-and-what-to-do-about-it> (дата обращения: 16.12.2015).
7. Jeremiah O'Sullivan R. The social and cultural effects of advertising. — [Электронный ресурс]. URL: http://www.crvp.org/book/series05/v-4/chapter_vi.htm (дата обращения: 20.12.2015).
8. Louis E. Boone. E-Study Guide for: Contemporary Marketing. Textbook. / Louis E. Boone. — 13th Edition. — 2009.
9. Television Bureau of Advertising. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tvb.org> (дата обращения: 21.12.2015).
10. The Influence of Advertising. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unenticed.com/english.php?title=influence+of+advertising> (дата обращения: 23.12.2015).
11. The cultural impact of advertising. — [Электронный ресурс]. URL: <http://makewealthhistory.org/2011/10/26/the-trouble-with-advertising-2/> (дата обращения: 19.12.2015).
12. Volkswagen Polo - Terrorist Commercial. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HnL-7x4n4d8> (дата обращения: 23.12.2015).
13. Volvo Trucks - The Epic Split feat. Van Damme (Live Test). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=M7FIVfx5J10> (дата обращения: 22.12.2015).

УДК 81

МИФОЛОГИЯЛЫҚ ТАНЫМ НЕГІЗІНДЕ АЯЛЫҚ БІЛІМНІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ

Жампейсова Жанар М., Жампейсова Жанна М.

Қазақ бас сәулет-құрылыс академиясының,
Тараз мемлекеттік педагогикалық институтының

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ НА ОСНОВЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Жампейсова Жанар М., Жампейсова Жанна М.
Казхаская головная архитектурно-строительная академия,
Таразский государственный педагогический институт

CREATING BACKGROUND KNOWLEDGE BASED ON MYTHOLOGICAL COGNITION

Zhampeysova Zhanar M., Zhampeysova Zhanna M.
Kazakh Leading Academy of Architecture and Civil Engineering,
Taraz state pedagogical Institute Kazakhstan, Almaty

Аннотация

Мақалада мифологиялық таным негізінде «Ақ» және «Қара» лексикалық бірліктерінің бойында жинақталған аялық білімнің ерекшеліктері қарастырылады.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности фоновых знаний, которые сохранены в лексических единицах «Ақ (белый)» и «Қара (черный)» на основе мифологического познания.

Abstract

In the article the features of base-line knowledge are examined that is stored in lexical items of "Ақ (white)" and "Қара (black)" on the basis of mythological cognition.

Тірек сөздер: аялық білім, мифологиялық таным, «Ақ» және «Қара» лексикалық бірліктері.

Ключевые слова: фоновая знания, мифологическая познания, лексические единицы «Ақ (белый)» и «Қара (черный)».

Key words: base-line knowledge, mythological cognition, lexical items of "Ақ (white)" and "Қара (black)"

Тәжірибелік іс-әрекеттің нәтижесінде мәдениет жасалады, ал мәдениеттің негізгі бір элементі танымның нәтижесі – білім. Тәжірибеге кең мағынада алғанда адам қызметінің заттық-материалдық формаларының бүкіл жиынтығы енеді. Ол қоғамдық болмыстың барлық жақтарын, яғни бүкіл қоғам өмірін қамтиды. Адамзат әр тарапты дамыған жан иесі ретінде қоршаған әлемді тани отырып, табиғатта жоқ нәрселерді өзінің ұдайы пайда болып, дамып отыратын мақсат-мүдделеріне сәйкес жасайды, оларға атау береді.

Қоғамдық тәжірибе таныммен диалектикалық бірлікте іске асады. Ол бірлік тәжірибенің танымға қатысты үш түрлі қызметінен нақты көрінеді. Тәжірибе, біріншіден, танымның негізі, білімнің қайнар көзі болып табылады. Сан ғасырлар бойы жинақталған тәжірибе негізінде ғана аялық білім қалыптасады. Ал мұндай аялық білім қоры әр түрлі тілдік бірліктерде жинақталады. Тәжірибе теориялық тұрғыдан талдап, жалпылау үшін қажетті дерек мәліметтерін береді де, танымды нақты мәліметтермен сусындатып, теорияның шындықтан қол үзбеуіне көмектеседі.

Екіншіден, тәжірибе білімдердің іске асуының тәсілі болып табылады. Осы тұрғыдан алғанда, ол – танымның мақсаты болып табылады. Танымның түпкі мақсаты таза теориялық білім алу емес, ең алдымен қоғамның материалдық және рухани қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін шындықты қайта құру, табиғат күштерін қоғамға қызмет жасату болып табылады. Тәжірибе, үшіншіден, танымның нәтижесінде алған білімнің ақиқаттығын анықтаушы өлшем қызметін орындайды. Тәжірибе арқылы әбден тексеріліп, анықталған білім ғана объективтік ақиқат деп мойындалады.

Демек, тәжірибе – танымның барлық сатыларында білімнің қалыптасуы мен дамуының негізі, қайнар көзі, таным процесі нәтижесі ақиқаттығының өлшемі және заттың адамға керекті нәрсемен байланысының анықтаушысы. Таным тәжірибеге тәуелді. Танымның барлық жақтары, формалары қоғаммен тығыз байланысты әрі сол арқылы анықталады. Танымның субъектісі – қоғамдық жан иесі адам, ал нысаны – адам танып білуге немесе тәжірибелік-материалдық қызметінде пайдаланатын табиғат құбылыстары мен әлеуметтік құбылыстар.

Қазақ тілінің сөзжасамын зерттеген ғалым А.Б. Салқынбай: «Әлем бейнесіне қойылған атау ұлттық таным мен ұлттық дәстүрге тікелей байланысты болады. Тілдің ұлттық сипатының негізгі тірегі де осы. Кез келген атаудың ішкі мәнінде таным түсініктері жатады. Сөздің пайда болу кезеңіне орай, оның сипаты да өзгеріп отырады», – деп әлемдегі заттарды, құбылыстарды белгілейтін атаулар халық танымымен тығыз байланысты екендігін айтады [1, 31 б.]. Атау (номинация) ақиқатқа қатысты да, мифке қатысты да қалыптаса береді. Ақиқатқа қатысты атау сол нысанның табиғатта, қоғамда болуына қатысты берілсе, «мифке» қатысты атау белгілі бір нысанның адам санасындағы жеке тәжірибесіне негізделеді. Ұжымдық сана (мифологиялық, діни) арқылы туындаған атау субъективтік негізде құрылған. Коннотативтік мағынаға ие тілдік бірліктің қалыптасуы сол тіл иелері санасындағы аялық білімге байланысты. Аялық білім тілдік қарым-қатынас негізі болып табылады.

Аялық білім өзекті аялық білім және мәдени мұраға қатысты аялық білім болып бөлінеді. Өзекті аялық білімге белгілі бір кезеңдегі сол ұлт өкілдерінің бәріне белгілі білім жатады. Олар уақыт өте келе мәдени мұралық аялық білімге ауысуы мүмкін.

Қоғамдық қатынас шарттарына байланысты сөздердің мағынасы халық дүниетанымына қарай өзгеріп отырады. Алайда тіл халықтың өткенінен, дүниетанымынан хабар беруші болғандықтан, кейбір лексикалық бірліктердің бойында жинақталған білімді ашу үшін олардың мифологиялық-танымдық астарына үңілу қажет.

Миф – дүниежүзілік тарихи сипаттағы құбылыс, себебі барлық халық өзінің тарихи дамуының алғашқы кезеңінде мифтік сана дәуірін басынан кешірді. Соған сәйкес дүние жүзі халықтарының мифологиялық жүйесінде бір-біріне ұқсас, ортақ принциптер, ортақ заңдылықтар кездесіп отырады. Олар – мифтің әмбебаптық сипатын көрсететін мифтің құрылымындағы архетиптер мен ауыспалы сюжеттердің сондай-ақ ортақ кейіпкерлердің «жасампаз қаһармандардың», ру көсемдері, ру иелерінің белгілі бір типологиясы. Мұндай ұқсастықтарды анықтаудың, түсіндірудің бірнеше жолдары бар: 1) жалпы мифтердің бір мәдени негізден шығуы; 2) мифтегі ұқсастықты мәдени байланыстардың нәтижесі деп қарау; 3) жалпы адамзат қоғамының алғашқы кезеңдерінің тарихи-мәдени жағынан бірдей дамуы [2, 21 б.].

«Ақ» – мифтік тұрғыдан жарықтың баламасы, өмір беруші бастама, ол үнемі жақсылық ретінде қабылданған. «Ақ» – шөлінді басып, дененді тазартатын судың моделі. Сонымен қатар «ақ» жоғарғы о дүниелік әлемнің белгісі, бір жағынан ол бұлттармен байланысты болса (мысалы, ақ бұлт, ақша бұлт), екінші жағынан, жерге жат тазалық, жарықпен байланысты. Сондықтан «ақ» лексикалық бірлігінде ерте кезден-ақ «жақсылық», «көбею» және «қасиеттілік» концептілері көріністенген.

«Қара» түс алғашқы қауымдық адамдар танымында түнек, қараңғылық, қабір, құлдырау, өлім, зұлымдық ұғымдарын берген. Адам заттарды жасау арқылы, оларды белгілер мен бейнелермен жабдықтай отырып, оларға әсер етеді. Жақсы күштерді шақырып, жамандарды қарғайды, әлем жаратылысының түнегіне қуады. Түр-түстер ертедегі адамдар үшін сиқырлық-дұғалық әдіс ретінде маңызды орынға ие. Олар дүниеге әкелетін немесе өлтіретін, жақсылықты немесе зұлымдықты білдіретін болған.

Ертедегі адамдардың қарама-қарсы құбылыстардың бір-біріне өтуін, бір заттың екіншісіне өту құбылыстарын байқамауы мүмкін емес. Күн түнге, жарық қараңғылыққа, өмір өлімге, дұшпан досқа, адам аңға ауысады. Бұның себебі қарама-қарсы құбылыстардың мәні, табиғаты бір, олардың тек сырты, көрінісі ғана өзгереді. Сондықтан миф-заттар мен миф-сөздерде қандай да бір шеттелген, қатаң бекітілген мағына жоқ. Олар қарама-қарсы немесе жай түрлі ұғымдарды білдіруі мүмкін.

Көптеген халықтардың мифтік танымы бойынша, есік, босаға екі әлемнің шегі ретінде қасиетті саналған. Мысалы, ежелде монғолдарда киіз үйдің табалдырығына сүрінген адамды өлім жазасына кесу заңы болған. Этнограф ғалым Н.Л. Жуковская бұл туралы мынандай дерек келтіреді: «Дверь и особенно порок отделяет юрту от окружающего неосвоенного, «дикого» пространства, дверь – граница между двух миров, и соответственно пересечение этой границы как в ту, так и в другую сторону было сопряжено с соблюдением ряда правил, вошедших в качестве составной части в монгольский этикет» [3, с. 123].

Босаға – есіктің бір бөлігі. Фольклорлық материалдарда осы кіру есігі немесе тесігінің атаулары, заттың пішіндері түрліше болып келеді. Яғни есікті (тесікті) сол күйінде есік, тесік, қақпа деп те, шұңқыр, жердің жарығы, құдық деп те атауға болады. Тесіктен түсу немесе есікке кіру – бір өлшемнен екінші өлшемге өту дегенді білдіреді, бұл жердегі өлшемді «кеңістік», «уақыт», «дүние» деп нақтылай беруге болады. Осындай «түсу процесі барысында өтуші (кейіпкер) толықтай өзгеріске түседі (Тазшаға, қотыр тайға, адамға, рухқа т.б. айналу)» [4, 76-77 бб.].

Әмбебап мифтік таным бойынша, әлемде біздің өмірімізбен қатар басқа да әлем бар, бірақ бұл әлемдердің ортасын қабат бөліп тұрады, бұл қабырға іспеттес. Ал осы қабаттағы тесік екінші әлемге өтуге мүмкіндік береді екен. Яғни, есік немесе тесік бір кеңістіктен екінші кеңістікке өтуді символдайды. Есік, босаға жаңа өмірдің бастауы болғандықтан, халық танымында қасиетті.

Қазақ халқында да есікті, босағаны қасиетті деп таниды. Мысалы тілімізде осыған қатысты *босағада тұрма, босағаға сүйенбе, есікті қатты жаппа, есікті теппе (сілкіме), табалдырықта тұрма, табалдырыққа отырма, табалдырықты теппе, табалдырыққа сүрінбе*, т.б. деген сияқты табуларды мифтік таным негізінде түсіндіруге болады.

Сонымен қатар, осы босаға сөзімен тіркесіп келетін *ақ босаға*, *қара босаға* тіркестері де кездеседі. *Ақ босағаны* аттату келін түсіру дәстүрінде қыз келін болып түскен үйдің табалдырығын аттап, босағадан үйге енгенде, осы үйге таза, пәк қалпында келіп, осы үйдің берекесі болсын деген нанымды нұсқайды. «Ақ» лексикалық бірлігі бұл жерде пәктікті, тазалықты ғана емес, қасиет, бақ-берекені де көрсетеді. Себебі мифтік таным бойынша, босағада сол үйдің берекесі, періштелері отырады екен. Егер табалдырықты басса немесе оған сүрініп кетсе, есіктің сыртынан сөйлесе періштелер үркіп, үйдің берекесі кетеді деген наным-сенім де бар. Сол себепті, келінді сол босағаның берекесін ұстап тұруы үшін, ақ босағаны аттататын ырым-жоралғылары болған. Осыдан барып, ақ босаға тіркесі қалыптасқан. Екіншіден, жоғарыда айтып кеткеніміздей, миф бойынша есік, босаға – екі әлемнің арасындағы шегара. Жаңа түскен келінге ақ босағаны аттату енді бұрынғы қыз күніндегі өмірін тастап, жаңа өмір бастайтындығының көрінісі іспетті. Енді ол басқа отбасына келіп, жаңа өмір бастайды. «Ана – өмірдің бастауы, берекесі», – демекші, ол енді өзі мүшесі болып енген отбасының ұйытқысы, берекесі болады. Сондықтан келін берекелі, құтты болсын деген ниетте босағаны «ақ босаға» деп қадірлейді. Бұл *ақ босаға* ұғымы мен *ақ босағаны аттату* рәсімі халықтың ежелгі мифтік танымымен ұштасып жатқандығының дәлелі.

«Ақ» және «Қара» лексемалары тілімізде антонимдік жұп құрағанымен, *қара босаға* мен *ақ босаға* тіркестері қарама-қарсы мәнде жұмсалмайды. Қара босаға – тіркесіндегі қара лексикалық бірлігі қасиетті, көненің көзі қадірлі, құрметті деген мағынаны білдіреді. Ол сонымен қатар, домбыра, шанақ, шаңырақ деген сияқты халқымыздың ұлттық ерекшелігін танытатын сөздермен тіркескенде де, осы мағынаға ие болады. *Қара босаға* кейде қара үйдің синонимі ретінде де қолданылады. Яғни бұл жағдайда ол, біріншіден, үлкен үй деген мағынаны білдірсе, екіншіден атадан балаға қалған қасиетті үй деген мағынаны білдіреді. Бұл жерде босаға, яғни үйдің бөлшегі бүтіннің – үйдің орнына қолданылып тұр.

Қара босаға тіркесінде көненің көзі, қасиетті, киелі, құрметті деген сияқты ұлттық концептілер көріністенген. «Концепт – это единица коллективного знания (сознания) отправляющая к высшим духовным ценностям», имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [5, с. 48], – деп С.Г. Воркачев көрсеткендей, бұл тіркес бойында көптеген жылдар бойы халық тәжірибесімен жинақталып, бекіген аялық білім сақталған.

Жалпы концептілердің ойсурет концепт, схема концепт, фрейм концептілер, сценарий концептілер, логикалық-ұғымдық концептілер деген сияқты түрлері бар екені белгілі. *Ақ босаға мен қара босаға* бойындағы қасиеттілік, құрметтілік, киелілік, пәктік, тазалық (соңғы екеуі ақ босағаға қатысты) деген сияқты концептілер, бір жағынан, логикалық-ұғымдық концептілерге жатады. Оларға сезімдік негіздер дерек болмайды, олар логикалық-ұғымдық концепт арқылы танылады. Екінші жағынан, *ақ босаға* мен *қара босаға* фрейм концептілерге жатады. Себебі мұнда тек ойсурет, схема, статикамен қоса, динамикалық күй бар. Ақ босағаны аттату – келін түсірілген кезде жасалатын рәсім. Яғни келін түсіру – сценарий концептіге жатады. Себебі қозғалыс, серпін, даму, әрекет, т.б. семалар концепт сценарий арқылы беріледі. Ал, ақ босағаны аттату, жар-жар, т.б. келін түсіру дәстүрі кезінде жасалатын рәсімдер, ғұрыптар сценарий концептіні жасауға қатысатын фрейм концептілерге жатады.

Қара босаға – көнеден қалған, киелі, қасиетті деген семаларда логикалық-ұғымдық концепт жасаса, оның атадан балаға мирас болып сақталып келуі фрейм концептіге жатады. Алматы облысы, Жамбыл ауданы, Үңгіртас ауылында Қарасайдың *қара босағасы* сақталған, қазір ол Алматы облысы, Қарасай ауданы, Шамалған ауылына көшірілді. Елдің айтуынша, бұл қасиетті босағаны Қарасай батырға Есім хан сыйға тартқан екен. Қара босағамен бірге Есім ханның қасында жебеп жүретін қызыл жолбарыс та Қарасай батырға ауған деседі халық.

Қарасай он алты жасқа толғанда, әкесі Алтынай жұт болатынын айтып, жылқыларын алдына салып, алдын қайырмай бағуға кеңес береді. Қарт кісі бойынан асып, қақаған қыс

ұзаққа созылып, аксүйек жұттан елдің тігерге тұяғы қалмай қырылады. Күн жылына көктеуге, жазға салым ел жайлауға көше алмай қалады. Сол кезде алдына салып берген биелерін құлындатып, қарасын бұрынғыдан да молайтып Қарасай елге оралады. Алтынай абыз ханның малы түгел қырылып қалғандығын айтып, жарты малды ханға сыйлауға ақыл береді.

Қарасай үйір-үйір жылқымен коса, ханға жүк артар түйе, сауынға сиыр да әкеп тарту етіпті. Ол хан ордасында бір ай жатып мейман болып, кетер кезінде хан: «Не сұрайсың?» – дегенде, Қарасай Есім ханның отырған қара босағасын сұрапты. Хан ақ батасын беріп, қара шаңырағын Қарасайға тастап, өзі екінші отауына барып кіріпті [6, 197 б.].

Қазір бір кездері Есім хан Қарасай батырға сыйлаған қара шаңырақтың тек босағасы ғана сақталған. *Босаға* лексикалық бірлігіне *қара* сөзі тіркесу арқылы ол халық танымында концептуалданып, қасиетті, көненің көзі логикалық-ұғымдық концептілеріне ие болып отыр. Жолы болмай, қиналып жүрген адамдар осы қара босаға сақталған үйге барып қонады немесе қара босағаны маңдайына тигізіп, ата-бабалар әруағына сыйынады. Халық танымы бойынша, қара босағаның киелілік қасиетіне байланысты, ол жол ашады.

Қара босаға Қарасайдың ұрпақтары қолында сақталып, босаға сақталған үй *қара үй* аталып кеткен. Байқап отырғанымыздай, *қара босаға* тіркесінің бойында халық танымы негізінде қалыптасқан білім жүйесі жинақталып, концептілік мәнге ие болған. Ал Есім ханның босағаны сыйға тартып, оны Қарасай бабамыздың қадір тұтып ұрпақтарына қалдыруынан, кейін ол «*қара босаға*» атанып, киелі, қасиетті логикалық-ұғымдық концептіге ие болуынан халықтың танымы бойынша, босағаның маңызы, мәні зор екендігін байқауымызға болады. Ал «қара» мен «ақ» лексикалық бірліктері осы тіркестер бойында ғасырлар бойы жинақталып, халық танымы, тәжірибесі негізінде бекіген әлем туралы түсінікті, білімді жоғалтпай, сақтап, кейінгі ұрпаққа жеткізіп отыр. Яғни «ақ» және «қара» концептілерінің халықтың мифтік танымын, әлем бейнесін беруде алатын орны зор.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

- 1 Салқынбай А.Б. Қазақ тілі сөзжасамы: Оқу құралы. – Алматы: Қазақ университеті, 2003. – 271 б.
- 2 Ақбердиева Б.Қ. Лексика-фразеологиялық жүйедегі мифтік-танымдық құрылымдар: Филол. ғыл. канд. дис.: 10.02.02. – Алматы, 2000. – 146 б.
- 3 Жуковская Н.Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии / Под ред. Н.Л. Жуковской. – М.: Наука, 1986. – С. 122-125.
- 4 Қондыбай С. Арғықазақ мифологиясы: 4 кітап. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 2 кітап. – 516 б.
- 5 Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. – 2001. – № 6. – С. 47-58.
- 6 Қапалбекұлы Н. Қызырлы қара босаға // Қарасай батыр. – Алматы: Санат, 1998. – 197-206 бб.

УДК 821.00

КАТЕГОРИЯ ФАКТ

Рохвадзе Р.Ф.

Московский государственный лингвистический университет

CATEGORY FACT

Rokhvadze R.F.

Moscow State Linguistic University

Аннотация.

Настоящая статья посвящена проблеме установления статуса категории fact в современном английском языке. Выявляются языковые средства репрезентации, свидетельствующие о её лингвистическом статусе.

Ключевые слова: факт, категория, функция, поле, семантика

Abstract.

The current article is dedicated to the issue of the category of fact status determination in Modern English. We reveal the language units, characterizing the category's linguistic status.

Key words: fact, category, function, field, semantics

Рабочая гипотеза исследования строится на предположении о том, что феномен Fact в современном английском языке представляет собой категорию укрупнённого статуса, репрезентируемую языковыми единицами разных уровней, а значит может быть рассмотрена в теории функциональной грамматики в терминах функционально-семантическое поле и категориальная ситуация.

Лингвистический статус любой категории возможно определить с помощью языковых средств её репрезентации. В зависимости от того, какими языковыми единицами выражается та или иная категория, выявляется сущность категории, то есть устанавливается её статус как грамматической категории (при наличии системы грамматических средств выражения), или лексико-грамматической (если выражается лексическими и грамматическими средствами), или синтаксической (в том случае, если понятийная категория выражается при помощи синтаксических категорий) [4, 5].

Как утверждает Н.Н. Болдырев [3], многочисленные языковые явления, имеющие пограничный характер, не укладываются по своей форме и содержанию в жёсткие рамки, следовательно, требуется объяснение данной асимметрии. Его осуществляет полевой подход [1, 3, 9]. Полевой подход наиболее системно представлен в теории функционально-семантических полей / категорий [4]. Считается, что языковые категории должны определённым образом структурироваться и организоваться в функционально-семантические категории. Понятие функционально-семантического поля отражает явления взаимодействия элементов разных уровней, «в полной мере раскрывающиеся при их функционировании в речи» [5, с. 102].

Одним из основополагающих аспектов подхода, в контексте которой исследуется категория Fact, является наличие категориальной ситуации и категориальных признаков. Категориальная ситуация ориентирована на реализацию элементов функционально-семантического поля в речи.

На основе анализа фактологического материала приходим к выводу, что типовой категориальной ситуацией fact является следующая *The fact that + пропозиция*. Внеязыковая ситуация факта представлена в языке предложениями неполной номинализации и придаточными предложениями, вводящими актуальное содержание факта. Они отражают содержание метакогнитивных процессов. Выражение *the fact that ...* фиксирует отношение субъекта к уже существующим в сознании говорящего ментальным репрезентациям. Факт в подобных предложениях представляет собой смысловой оператор метарепрезентирования, введённый Татьяной Албертовной Клепиковой. Прототипическими лингвистическими метарепрезентациями являются структуры с сентенциальным компонентом, вводимым через комплементаризатор *that*, поскольку они указывают на наличие метакогнитивного состояния и репрезентируют его содержание [7].

Комплементация рассматривается как определенная когнитивная ситуация, способ кодирования концептуальной взаимосвязи между двумя событиями. Соответственно, сложноподчиненное предложение с сентенциальным компонентом является языковой концептуализацией двух ситуаций одновременно, при которой действует механизм профилирования. Иными словами, профиль главного предложения преобладает над профилем придаточного [7]. Например, типичная структура с компонентом *the fact is that she did not know the truth* обозначает положение дел, касающееся *Факта*, а не *Незнания* определенной информации. Профиль ситуации *the fact is that* является доминирующим.

Конструкция *the fact that* передаёт эпистемическую модальность (достоверно, истинно, верно, факт) предложения. Например, *the fact that he's escaped will really shake up Chinese security forces* [13]. Событийная пропозиция *he's escaped* дополняется отношением говорящего к ней с помощью слова эпистемической модальности *the fact*. В этом случае истинность пропозиции не ставится под сомнение, так как факт – это достоверно, точно, на самом деле (модус знания).

Из анализа фактологического материала следует, что категориальная ситуация факта характеризуется следующими ингерентными свойствами: истинность, верифицируемость, вхождение в эпистемическое пространство, недескриптивность, причинность, завершенность. Факультативными характеристиками являются научность, счётность, способность принимать отрицание, так как они проявляются только в вариациях категориальной ситуации *fact*. Это важные сами по себе семантические элементы, но по отношению к доминирующей категориальной ситуации они составляют фон.

Ситуация факта обозначается разными языковыми единицами. Анализ картины мира осуществляется посредством выделения языковых единиц, репрезентирующих соответствующий концепт, вокруг которого формируется категория. Планом выражения изучаемой нами категории являются языковые единицы, имеющие общую семантическую функцию – манифестацию фактуального / истинного высказывания в современном английском языке.

«Центром категории является слово с наиболее общим значением – инвариант» [8, с. 8]. В нашем исследовании инвариантом является лексема *fact*. Вокруг неё группируются все, входящие в соответствующую категорию, элементы.

Анализ толковых словарей позволяет заключить: значение «fact» передаётся языковыми единицами со значением «действие»:

- *event, incident, act, occurrence, accident, circumstance, case, situation, happening, deed.*

Дефиниционный анализ каждой лексемы в отдельности свидетельствует о том, что в них присутствует сема «действие» или «процесс».

Следующая группа языковых единиц актуализации факта связана по значению с определённым знанием или информацией. Например, имена существительные

- *information, knowledge, statement, law, data, history, allegiance – being faithful, affirmation – a strong statement that something is true, truth, verity (правда), veracity (правдивость), plausibility (правдоподобие), statistics (facts shown by numbers)* [10, p. 1281].

Данный список дополняется глаголами с семой верификации информации или высказывания достоверных данных:

- *aver – state positively that a thing is true* [10, p. 37]; *authenticate – show the truth* [10, p. 35]; *ascertain – find out, discover* [10, p. 77]; *state – explain carefully* [10, p. 1281]; *prove – show beyond all doubt to be true* [10, p. 1026]; *declare – make known by words* [10, p. 326]; *ascribe – say that something is the cause, reason or origin* [10, p. 77]; *affirm – say that something is true* [10, p. 46]; *allege – make a statement without a proof* [10 p. 54]; *assert – a strong statement* [10, p. 79]; *avouch – assert, declare to be true, tell the truth – come clean, verify – устанавливать истинность* [2, с. 731].

Кроме глаголов актуализации истинной информации, значение «fact» выражается наречиями

- *truly – правдиво, истинно* [10, p. 635]; *veritably – истинно, поистине* [2, с. 731]; *verily – истинно* [2, с. 731] и прилагательными:
- *authentic – genuine, real, reliable, known to be true* [10, p. 35]; *provable – that can be proved* [10, p. 1026]; *emotionless – having nothing with the emotions* [10, p. 423]; *veritable – истинный* [2, с. 731]; *veracious – достоверный; plausible, spacious – правдоподобный* [2, с. 816].

Факт представлен разнообразием синтаксических средств. Толковые словари приводят следующие словосочетания с лексемой *fact*:

- *dry facts* – голые факты, *stark facts* – голые, неприкрашенные факты, *established fact* – установленный факт, *fixed fact* – зафиксированный факт, *salient facts* – существенные факты, *accomplished fact* – свершившийся факт, *a certain physical fact* – известное физическое явление, *fact of common knowledge* – общеизвестный факт [2, с. 486; 12, р. 506; 16, р. 508], *fait accompli* – an accomplished fact [16].

Анализ фактологического материала показывает: на синтаксическом уровне имеются субстантивные словосочетания, которые актуализируют значение «fact»:

- *a dead reality* – устойчивая реальность [14, р. 316; 18, р. 215]; *a real state* – реальное положение дел в мире [15, р. 381]; *an actual occurrence* – реальное явление [17, р. 418]; *naked truth / gospel truth* – something that is absolutely true [10, р. 567].

Данные определения свидетельствуют: человек не создаёт, а только устанавливает объективно существующие процессы и явления физического мира.

Так же средством выражения факта являются предложения, построенные по следующим моделям:

- *the fact that, the fact about ... is, it is a fact that, somebody did something ... is a fact, apart from the fact that, in spite of the fact that, for the fact that, the fact of the matter is that, the fact remains that, despite the fact that, because of the fact that, considering the fact that ...*

Приведём некоторые примеры: *The fact that for the past four weeks Ireland has barely been mentioned is an indictment of them all* [11]. Конструкция *The fact that* вводит пропозицию с фактуальным значением *Ireland has barely been mentioned*. Данные модели предложений вводят пропозицию с актуальным содержанием факта. Предложения с неполной номинализацией, построенные со словами *that – то, что ...*, *the fact that – тот факт, что ...*, *the case that – то обстоятельство, что ...* имеют фактическое значение.

После союзов *because – потому что ...*, *despite of, in spite of – вопреки тому, что ...*, *while – несмотря на то, что ...*, *apart – независимо от того, что ...* тоже выражается факт, так как причины и условия не могут быть выдумкой, они связаны с реальными событиями.

Исследованный корпус разноуровневых языковых средств актуализации категории Fact в современном английском языке позволяет отнести её в разряд функционально-семантической.

Таким образом, к ядру относятся компоненты с семантически общими значениями (*fact, reality, truth*), так как они отражают основные дифференциальные признаки изучаемой категории по сравнению с компонентами дальней периферии.

Ближняя периферия функционально-семантического поля fact представлена лексическими средствами, неоднозначно выражающими значение fact. Ближнюю периферию категории репрезентируют лексемы со значением «действие»: *event, circumstance, case, incident, occurrence*.

К дальней периферии функционально-семантического поля Fact относим редкие средства его языкового выражения, имеющие дифференциальные дополнительные признаки, менее частотные лексические и лексико-грамматические средства со стилистическими и контекстуальными ограничениями, и не имеющие на себе функциональной нагрузки ядерных и около ядерных единиц. Анализ данных языковых единиц позволяет выявить основные периферийные компоненты поля. Компоненты дальней периферии актуализируют значение fact имплицитно. К группе лексических репрезентантов дальней периферии поля нами отнесены следующие языковые единицы: субстантивы (*knowledge, statement, argument, information, law, data, statistics, history*); глаголы (*aver, authenticate, state*).

Языковые средства различаются по своей структурной организации, но их функционирование в английском языке позволяет объединить их в одну семантическую совокупность, актуализирующую категорию Fact.

Применение методологии когнитивной лингвистики позволяет проникнуть в сущность процессов построения языковых структур, их речевых модификаций, выявить когнитивно-коммуникативные основания порождения и функционирования конститутивных элементов речи, процессов смыслообразования.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – М.: Едиторриал УРССБ, 2004. – 104 с.
2. Большой англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1979. – 822 с.
3. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №2. – С. 5-23.
4. Бондарко А.В. К проблематике функционально-семантических категорий // Вопросы языкознания. – 1967. – № 2. – С. 18-31.
5. Бондарко А.В. Категориальные ситуации // Вопросы языкознания. – 1983. – № 1. – С. 98-107.
6. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
7. Клепикова Т.А. Лингвистические метарепрезентации. – СПб.: Астерион, 2008. – 250 с.
8. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Язык и мышление. – 1967. – № 2. – С. 7-10.
9. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
10. Advanced Learners Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 1043 p.
11. British National Corpus.
12. Collins Cobuild English Language Dictionary. – England: Harper Collins Publishers, 1992. – 1703 p.
13. Corpus of Contemporary American English.
14. Concise Oxford Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 1263 p.
15. Chamber's Twentieth Century Dictionary / ed. by W. Geddie. – Edinburg: W&R Chambers, 1959. – 1387 p.
16. Longman Advanced American Dictionary. – Harlow: Longman, 2000. – 1746 p.
17. Macmillan School Dictionary. – NY.: Collier Macmillan Publishers, 1983. – 1094 p.
18. Webster's New World Thesaurus. – USA.: New American Library, 1975. – 678 p.

УДК 800

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ «ОДИН» В АНГЛИЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЛИРИКЕ

Сотникова С.С.

Курский государственный университет, Курск

NUMERAL 'ONE' IN ENGLISH FOLK LYRICS

Sotnikova S.S.

Kursk State University, Kursk

Аннотация.

В статье автор ставит своей целью рассмотреть функционирование числительного «один» в фольклорной языковой картине мира английского народа и определить его этническое своеобразие. Анализ учитывает частоту употребления лексики в песенных текстах и её синтагматические отношения.

Ключевые слова: фольклорная языковая картина мира, числительное, один, фольклорная лирика.

Abstract.

In this article the author aimed to analyse the numeral 'one' in folk language picture of the world based on English folk lyrics. The author makes an attempt to find ethnic peculiarities of this numeral. The analysis takes into account the words' frequency of use and their syntagmatic relations in the texts of the songs.

Key words: folklore language picture of the world, numeral, one, folklore lyrics.

It is well-known and proven that folklore, being a reflection of historical and cultural realities, is invaluable matter for carrying on investigation of national language and mentality. Every ethnos tries to comprehend its place in the world history and culture relying on the written sources and historic facts, traditions and beliefs. The language of folk songs can give important information about the language and the ethnos being, according to A. Khrolenko [2: p. 106], 'conditional by the people's way of life, outlook, culture and history of their country'.

We have already analysed different fragments of folklore language picture of the world based on Russian and English folk lyrics [4, 5, 6]. This article is aimed at the representation of the numeral *one* in English folk songs. Some scholars have already analysed the numeral *one* and its origin [1]. For us it is interesting how the Englishmen reflect their attitude to the numeral in their folk songs.

Having studied 1042 English folk texts [3] we found the numeral one to be the most frequent having 407 word usages (wus).

The most common is the combination of the numeral with the noun *morning* – 104 (WUs):

"Twas early *one morning* she rose from her bed <Sh. 384>;

As I was a-walking *one fine winter's morning*

I heard the sound of a horn < Sh. 267>;

One morning in the month of May,

How lovely the sun, All on the banks of the daisies gay

There sat a lovely one < Sh. 145, B>.

In the studied context the numeral *one* is combined with the nouns naming lifeless objects. It is used to mark the time frame, to state the events. It also goes with the words *day* (68 wus), *night* (39 wus), *kiss* (18 wus), *thing* (13 wus), *man* (10 wus), *daughter*, *hour* and *penny* (8 wus), *thousand* and *year* (7 wus), *evening*, *love*, *moment* and *son* (5 wus), *half* (4 wus), *Apostle*, *door*, *drop*, *foot* and *inch* (3 wus), *cherry*, *corps*, *favour*, *feather*, *minute*, *pot*, *pound*, *word* and *tune* (2 wus):

The devil came to him *one day* to his plough,

Saying: *One* of your family I must have now <Sh. 42, A>;

As I walked *one evening*, *One evening* on the stand,

There I behold a soldier, On sentry he did stand <Sh. 171>;

My old man came home *one night*, A hat was on the table <Sh. 39, A>;

She dressed herself in sailor's clothes

And boldly did appear, She engaged with the captain

For to serve him for *one year* <Sh. 217,B>.

From the examples we see that the numeral is combined with the nouns, denoting parts of the day, and has the meaning 'once'. Besides, the numeral has combinations with the nouns of time:

The *first half year* that I was married

Scarce *one hour* could I get to sleep <Sh. 203, A>;

Î stay *one minute* or two, I pray, *One minute* or two or more,

It's the bailiff's dear daughter now standing by your side,

Waiting for to be your bride <Sh. 26, A>;

It's not *one moment* that I've been happy S

ince my true love left his native shore <Sh. 146>.

In the examples the word *one* denotes a small quantity of time or something solid and indivisible.

In some lines we come across the expressions of length:

To my fal ta la leo fal ta la lee,

I had in my pocket but *one* penny <Sh. 275,B>;
Mind all you women wherever you might be,
Do not trust a sailor *one* inch above your knee <Sh. 178, I>.

So, we can make a conclusion that the above mentioned phrases with numeral *one* are used in common situations for measuring or counting something.

Rather often there come expressions with numeral *one* and terms of relatives:

There was a wealthy farmer, in London he did dwell,
He had *one* lovely *daughter*, most loving, kind and free <Sh. 43, D>;
One man shall mow this meadow in one day
And two men shall mow it and carry it clear away <Sh. 339,B>;
There was a lord who plead his word, Who plead his word, in vain,
For there was *one* a farmer's *son*, For there was *one* a farmer's *son*,
Young Mary's heart could gain <Sh. 62, A>.

The phrases *one fellow*, *one lad*, *one servant*, *one sister*, *one sweet-heart*, *one bunch*, *one dozen*, *one hogshead*, *one hundred*, *one guinea*, *one mile*, *one month*, *one part*, *one quart*, *one spoonful* have a single usage:

I had but *one sister*, her name it was Nell,
A sweet pretty girl and I loved her well <Sh. 391, A>;
And where you've *one* hogshead I hope you'll have ten,
So that we may have cider when we call again <Sh. 373,G>.

In conclusion, one may say the analysis shows that the majority of the expressions with numeral *one* in the English folk songs denote the measure of length, weight, money, periods of time. It presupposes that the English are business-like, reserved and concentrated on their success only. The folk lore language analysis gives us the ground to say the numeral *one* may function as the denotation of quantity or bears the notion of oneness, exclusiveness and singularity, the opposition to plurality.

References

1. Главан А.А., Быконя В.В. Происхождение числительного «один» и его функционирование в хантыйских диалектах // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 9 (60). С. 52-56
2. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова / А.Т. Хроленко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 140 с.
3. Cecil Sharp's Collection of English Folk Songs. Edited by Maud Karpeles. v. 1-2. – L.: Oxford University Press, 1974.
4. Sotnikova S.S. Concept 'Daughter' in English Folk Songs // Интеграция мировых научных процессов как основа общественного прогресса: сборник материалов Международных научно-практических конференций за август 2013 года/ Под общ. ред. С.В. Кузьмина, - Казань, 2013 г. – С. 134-139.
5. Sotnikova S.S. Concept 'SEA' in English Folk Lyrics // International Scientific Journal EURO-AMERICAN SCIENTIFIC COOPERATION. Research articles. Volume 1 – 24 december 2013, Responsible editors: Tonkyh S., Pryhodko N., Mintz A. - Peterborough, Ontario, Canada: Publisher «Accent Graphics Communications», 2013. - 113-117 pp.
6. Sotnikova S.S., Kerstyuk Ju. N. Concept 'BEAUTY' in English folk songs // Материалы IV международной научно-практической конференции Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований 4-5 августа 2014 г. North Charleston, USA. Том 2. 2014. – 78-83 pp.

Электронное научное издание

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сборник научных трудов
по материалам международной
научно-практической конференции

25 декабря 2015 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN: 5-00-005374-5

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3.3. Тираж 500 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова
Наталья Александровна

Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.
Бекетова 53.